

ГАЗИ-ХАДЖИ ЗАНДАКСКИЙ: ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ГЕРОЯ

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Еще в школьные годы, внимательно вслушиваясь в исполнение назмов, своеобразных мусульманских песнопений, распространенных на Северном Кавказе, я часто слышал имя шейха Гази-Хаджи из Зандака. Однако попытки найти какие-то письменные или литературные произведения об этой личности оставались безрезультатными. На дворе 80-е гг. XX в., в стране все еще господствовала коммунистическая идеология, важнейшей составляющей которой являлся принцип атеизма. Хотя в школе нас учили, что атеизм не просто отрицание идеи Бога, а научная система взглядов, опирающаяся на современные достижения в области естественных и технических наук. Все же наш светлый юношеский ум, где-то на ментально-генетическом и бессознательно-психологическом уровне верил в Бога, вечного и всемогущего.

В истории человечества было немало ярчайших личностей, чья жизнь всецело была посвящена неутомимому и искреннему служению всевышнего. Они переносили страдания и гонения, тяжелые испытания и религиозные обеты не ради земной славы и людского признания, а во имя Бога, пытались заслужить его милость в вечной жизни.

В моем представлении такими личностями в истории мусульман Северного Кавказа были шейхи Мансур и Мухаммад Ярагский, имамы Гази-Мухаммед и Шамиль, шейхи Ташов-Хаджи, Гази-Хаджи, Кунта-Хаджи и другие. Они были и проповедниками, и миротворцами, и воинами, и народными лидерами.

С конца 1980-х гг., когда в стране развернулись демократические преобразования, многие закрытые ранее исторические темы нашли свое широкое освещение. Так, началось религиозное возрождение, интерес к исламу был огромен. Начали выходить книги, сборники статей по различным аспектам духовного наследия мусульманских народов Северного Кавказа, особенно востребованными были исторические портреты выдающихся деятелей горских народов. Появились статьи в периодических изданиях и многотиражные книги практически обо всех вышеперечисленных духовных подвижниках, кроме Гази-Хаджи.

К тому времени я решил стать профессиональным историком и частенько, являясь студентом исторического факультета Адыгейского государственного университета, выписывал редкие

дореволюционные издания по истории Северного Кавказа. Очень часто в этих работах встречались и имена Шамиля, и Магомета (Ярагского), и шейха Мансура и Ташов-Хаджи, но об их современнике Гази-Хаджи из Зандака не было упоминаний.

Однако мой интерес не ослабевал, я, зная, что герой, воспетый в религиозных назмах, имя которого более чем столетие сохранилось в устной памяти народа, не должен просто так со временем кануть в небытие.

Чеченскому народу был нанесен огромный ущерб в период сталинского геноцида, а всем народам России, мусульманским и христианским, причинен акт духовного геноцида за почти 70-летний период то воинствующего, то научного атеизма.

Не только мечети были разрушены, их легко можно восстановить при наличии материальных благ, но были бесследно уничтожены религиозные рукописи и трактаты, древние хроники и мусульманские правовые своды. Я глубоко преклоняюсь перед старшими поколениями, которые в 13-летней ссылке в Среднюю Азию и Казахстан, не забыли имена и деяния своих духовных наставников чеченского народа. Вернувшись на родину, они в первую очередь восстановили убранство мусульманских захоронений.

Эта невосполнимая потеря, всю важность которой мы не осознали по сей день. Нашим дагестанским братьям повезло больше: они по сей день находят и изучают арабоязычные документы и рукописи, в которых проливается свет и на нашу историю. Ведь наши предки одинаково называли Отечество-ДегIаста-Дагестан.

Я тщательно собирал все устные предания, касающиеся личности Гази-Хаджи, установил связь с его потомками, проживающими в Зандаке и Симсире Ножай-Юртовского района. Они бережно сохранили многие фамильные и исторические предания о родовых корнях Гази-Хаджи. Назмы (религиозные стихи), в которых воспевается жизнь и деятельность своего праведного предка. Намереваясь поближе познакомиться с местами, где жил и творил Зандакский шейх, я совершил весной 1992 г. поездку в Ножай-Юртовский район, в результате которого был собран ценный полевой материал.

Однако чтобы написать статью, необходимо было найти подтверждение личности в письменных исторических источниках. Тогда только сравнив устные полевые материалы с нарративными источниками, можно было уверенно ввести имя Гази-Хаджи в историческую летопись чеченского народа. Была

внутренняя уверенность, что мой поиск увенчается успехом. Так и случилось, работая в фонде редких дореволюционных книг Национального музея Республики Адыгея в г. Майкопе, я наткнулся на одну из военных хроник XIX в., которая называлась Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского полка во время Кавказской войны (1845-1861 гг.). Там в заключительной части рассказывалось об участии этого царского военного соединения в подавлении антиколониального восстания горцев Чечни (1860-1861 гг.), где я обнаружил упоминание имени «проповедника Гази». Тщательный сравнительный анализ устного этнографического материала с описывающим источником выявил ценное совпадение, по хронологическим моментам и географической локализации событий речь шла о шейхе Гази-Хаджи Зандакском. Это давало полное основание написать статью о героической и замечательной личности в истории Чечни XIX столетия.

Статья вышла в республиканской газете на чеченском языке. Она вызвала большой отклик и среди религиозной части населения и среди интеллигенции. Дальнейшая моя полевая работа была прервана из-за трагических военных действий в Чечне, когда горная часть республики была практически оторвана от остальной территории республики. Ездить туда было небезопасно, да и тяжелые будни военной жизни отодвинули вопросы истории далеких времен на задний план. Многие, с кем доводилось беседовать, говорили, что сейчас не до истории, людям приходится ежедневно думать о спасении собственной жизни.

Годы военной разрухи принесли не только человеческие страдания, но и уносили из жизни многих старожиллов, моих информаторов, которые общались с внуками Гази, помнили много ценного из истории духовного прошлого своего народа. Годы сталинских репрессий и религиозных гонений научили этих людей больше молчать и размышлять, нежели открыто говорить, а тем более писать. Они воочию видели как из-за Корана или азбуки по изучению арабского языка подвергали тюремному заключению на длительные сроки, откуда многие и не возвращались. До сих пор помню суры Корана на арабском языке дяди моего отца, уроженца баноевского аула Пхачу, который он хранил в обложке советского учебника по истории средних веков.

Жизнь их была полна испытаний и трагизма, но вера, искры светлой веры давали им живительные силы. И как будто боясь унести с собой в безмолвный мир свидетельства прошлого, они делились своими знаниями, беседы всегда заканчивались очень впечатлительными и ценными поучениями. И к ним нельзя было относиться равнодушно, они были выстрадааны этими людьми, каждый из которых заслуживал стать

героем солженицынского произведения о Гулаге. Чеченский народ за последние столетия прошел через целый конвейер тяжелейших испытаний и выстоял по милости Аллаха. Поэтому ни в коем случае мы не имеем права забывать наше прошлое, которое является бесценным уроком для настоящего и ясным предостережением для нашего будущего.

Книга о личности Гази-Хаджи – это не гимн герою, это правдивая история народа. Гази-Хаджи стал духовным наставником народа в судьбоносную эпоху. Он олицетворял в себе все лучшее, непреходящее и духовно возвышенное, что есть у нашего народа. Он стал нравственным стражем вайнахов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Полевые материалы автора (ПМА), собранные во время исследовательских экспедиций 1992 и 2008 гг.: фамильные предания, эпиграфические материалы, фольклор, религиозные назмы (стихи) и др.

2. Архивные материалы: фонд редких книг Национального музея Адыгеи, Российский государственный военно-исторический архив, Государственный архив Северной Осетии, рукописный фонд Дагестанского научного центра РАН.

3. Военные хроники, дореволюционные периодические издания, сборники документов и материалов, мемуары.

4. Арабоязычные исторические хроники кавказских авторов, официальные документы имамата (письма, указы, назмы).

5. Этнографические, религиозные и топографические источники.

6. Советская кавказоведческая литература.

7. Современная кавказоведческая литература.

ПРОСТРАНСТВО И КОРНИ

На юго-восточной окраине Чечни, почти на самой границе с Дагестаном возвышается величественная своей природной красотой и чудесная своими климатическими и растительными явлениями гора под названием Дюйра (Дуьйрана)¹.

Что же таит в себе и природного, и человеческого эта вершина? Вообще-то, история изучает людей

¹ По вопросу происхождения названия «Дюйра – Дуьйрана» существует две версии. Первая – лингвистическая – «дуьйрана» в Подстрочный перевод, а вторая с чеченского означает «соленое». По второй – фольклорной – «Дюйра» – это имя мифического нарта.

во времени, но человек немислим без пространства, той географической среды, которая принимает огромное участие в формировании человека, человеческих общностей (этноса, социума, расы). Человек несет в своем гено типе, в своем уникальном этническом коде характер и свойства той территории, которая стала его исторической родиной. Зависимость человека от окружающей его природы, от географической среды обитания и формирования не оспаривалась никогда, хотя степень этой зависимости расценивалась разными учеными по-разному. Но в любом случае историческая жизнь народов, населявших и населяющих Землю, тесно связана с ландшафтами и климатическими условиями пространства проживания.

Известный российский ученый Л.Н. Гумилев отмечал, что «разные народы возникали в разные эпохи и имели разные исторические судьбы, которые оставляли следы, столь же неизгладимые, как личные биографии, которые формируют характер отдельных людей. Конечно, на этносы влияет географическая среда через повседневное общение человека с кормящей его природой, но это не все. Традиции, унаследованные от предков, играют свою роль, привычная вражда или дружба с соседями (этническим окружением) – свою, культурное воздействие, религия – имеют свое значение, но, кроме всего этого, есть закон развития, относящийся к этносам, как к любым явлениям природы»². О влиянии географии, ландшафта на историю, этногенетическое развитие можно рассуждать очень долго. Но главное заключается в том, что чеченский народ как этнос и как культурный мир сформировался в пространстве гор. Его колыбель и его цитадель – это горы. Оставив их, отвернувшись от очага предков, отправившись в поисках земного счастья в «безграничные дали» – чеченцы навсегда потеряют свое национальное лицо и самобытность. Отчуждение от гор станет началом их заката...

Вернемся к Дюйре. Это особая гора, когда все соседние вершины гор покрыты снегами, она выделяется черно-желтым пятном. Когда другие близлежащие горы, более высокие и более низкие, окутаны густым туманом, Дюйра освещается яркими солнечными лучами. Выпадет снег, продержится два дня, и плоская вершина снова суха, снова тепла.

Вершина Дюйра с двух сторон огибается двумя рукавами реки Ярык-Су (Ярхсо), словно крепко обнимая в свои объятия. На ее склонах выходят минерально-щелочные источники, один из которых Шелчхи («холодная вода» по-чеченски) отличается удивительным температурным перепадом: очень холодный

² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 19 – 20.

летом и почти теплый зимой. В этих источниках издавна горцы излечивали различные недуги.

Летом и осенью Дюйра красуется дивной альпийской растительностью, близко к горе расположены богатые массивы чеченских лесов, состоящих из граба, ольхи, бука и осины. На всех окрестных горах население скашивало траву на сено, на Дюйре траву не трогали, ее оставляли для зимнего выкоса.

На прочих вершинах свирепствуют зимние снежные бури, а на горе Дюйра мирно пасутся стада овец. По утверждению местных жителей – чеченцев-зандакцев, к весне сухие остатки травы «сами собой загораются», и каждую весну гору можно видеть дымящейся. По-видимому, вершина Дюйра расположена исключительно в благоприятных условиях воздушных потоков.

По рассказам горцев сильных ветров на горе не бывает. Зандакцы (зандакьой) так объясняют это природное явление. «Шел из Дагестана в Чечню шейх. В горах его застала снежная буря, и он вынужден был остановиться ночевать на горе Дюйра. Шейх должен был погибнуть от холода, но так как срок его земного пути еще не завершился, Аллах повелел ускорить на горе наступление весны. Когда шейх проснулся утром, то увидел, что на вершине, где вечером лежал снег, росли цветы. Шейх восславил милость и величие Аллаха и тронулся в дорогу»³.

Этим шейхом был Гази-Хаджи Зандакский, выдающаяся личность в чеченской истории XIX в. О нем существует множество народных преданий, его духовное подвижничество воспевается в религиозных песнях-назмах, его имя часто произносят в черед выдающихся исламских шейхов и ученых Чечни и Дагестана. Однако, к сожалению, это самая малоисследованная фигура в нашей истории, которая остается в устном народном творчестве, а оно, как известно, подвержено различным, часто мифическим интерпретациям и постепенному угасанию в результате различных исторических катаклизмов⁴.

Гази-Хаджи Зандакский вошел в нашу историю как исламский проповедник, продолживший на Северо-Восточном Кавказе наряду с Мухаммадом Ярагским, Ташев-Хаджи, имамами Гази-Мухаммадом и Шамилем новую волну исламизации горцев. Гази-Хаджи стал не только по имени своему, но и по жизненному пути истинным «газием» – «воителем за веру», готовым жертвовать на пути Аллаха своим здоровьем и достатком, своей жизнью и благополучием. Он был близким другом и имама Шамиля и Ташев-Хаджи. В государственной системе имамата он занимал должность мухтасиба – исламского инспектора, в

³ Революция и горец. 1929. № 4. С. 69 – 70.

обязанности которого входил контроль за соблюдением норм исламского права. Идеолог и воин, проповедник и государственный деятель в одном лице Гази-Хаджи принадлежит к плеяде выдающихся чеченских лидеров и духовных наставников XIX в.

Гази-Хаджи (в народе его называют Беза-шайх, что значит «любимый шейх») родился примерно в 1808 г. в старинном горном чеченском селе Зандак (ныне в Ножай-Юртовском районе) в семье уважаемого и почетного горца Арзу (Аьрзу), сына Гази-Махмы из рода «ЗагIаш – некъе». Зандак занимает особое место в географическом и этнокультурном пространстве чеченского народа, находясь на стыке Чечни и Дагестана, с одной стороны, с другой, этот аул – своеобразный мост между двумя крупными чеченскими этнотерриториальными общностями: Ичкерией (Нохч-Мохк) и Аухом, аккинским тукхумом.

Известный историк-кавказовед XIX в. Н. Дубровин отмечал, что «все общества чеченского племени имеют одинаковые нравы и говорят одним языком, причем ичкеринцы (нохчмахкхой – С.М.) сохранили самое чистое произношение чеченского языка. Ичкерия считается колыбелью чеченского народа, которую туземцы называют Нохче-Мохк»⁵.

Зандакцы принадлежат целому ряду крупных родов – некъе: Бацой-некъе, Ментиган-некъе, ГIадал-некъе, ЗагIаш (Арзи-некъе) и др. Так вот Арзу – родоначальник крупного тайпового подразделения. Его имя сохранилось в народных преданиях как вождя (баьчча) антифеодального выступления. Когда в начале XIX в. крупный феодальный владетель Северного Дагестана шамхал Тарковский пытался закабалить чеченцев-ичкеринцев феодальными податями, то его дружина встретила военный отпор со стороны чеченцев во главе с Арзу. Владетельный род Тарковских играл заметную роль только во внутривнутриполитической жизни на Северо-Восточном Кавказе, но также, начиная с XVII в., является опорной феодальной силой российской политики в регионе. Летом 1800 г. в ауле Тарки, в присутствии царского посланника и многих почетных лиц Мехти-бек официально принял титул шамхала и присягнул на Коране быть верным и усердным царскому престолу, который пожаловал ему также чин генерал-лейтенанта.

10 сентября 1806 г. император Александр I высочайшей грамотой утверждает Мехти шамхала еще и ханом Дербентским. В связи с новым титулом Мехти награждается знаменем с государственным российским гербом, саблей, украшенной драгоценными камнями и золотой медалью и бриллиантами и

⁴ Мусхаджиев С.Х. Шайх Геза – Хьаьжа//Даймохк. 1992. 22 августа. С. 2.

надписью: «За усердие и верность»⁶.

Окрыленный новыми званиями и щедрыми наградами русского императора, шамхал посчитал, что свою власть может распространять далеко за пределами Тарки и Дербента, но как только он посягнул на свободу и самостоятельность вольных обществ Нагорного Дагестана и горной Чечни, он понял, что горцев не пугают его царские эполеты и регалии, они готовы защищать образ жизни.

Народное предание гласит, что шамхал обратился к «ичкеринскому баьччи» со словами: «Кто ты, чтобы преградить дорогу князю-владельцу. Арзу ответил, что он принадлежит к «обзда эли», т.е. благородный князь, имелось ввиду свободный человек, князь по духу, а не по наследству». Произошло столкновение, в ходе которого «незванные гости» потерпели сокрушительное поражение от отряда Арзу, состоявшего из 60 человек⁷. До сих пор в окрестностях Зандака существует место под названием «Элий байина аре», что значит «поляна, где истребили князей-феодалов».

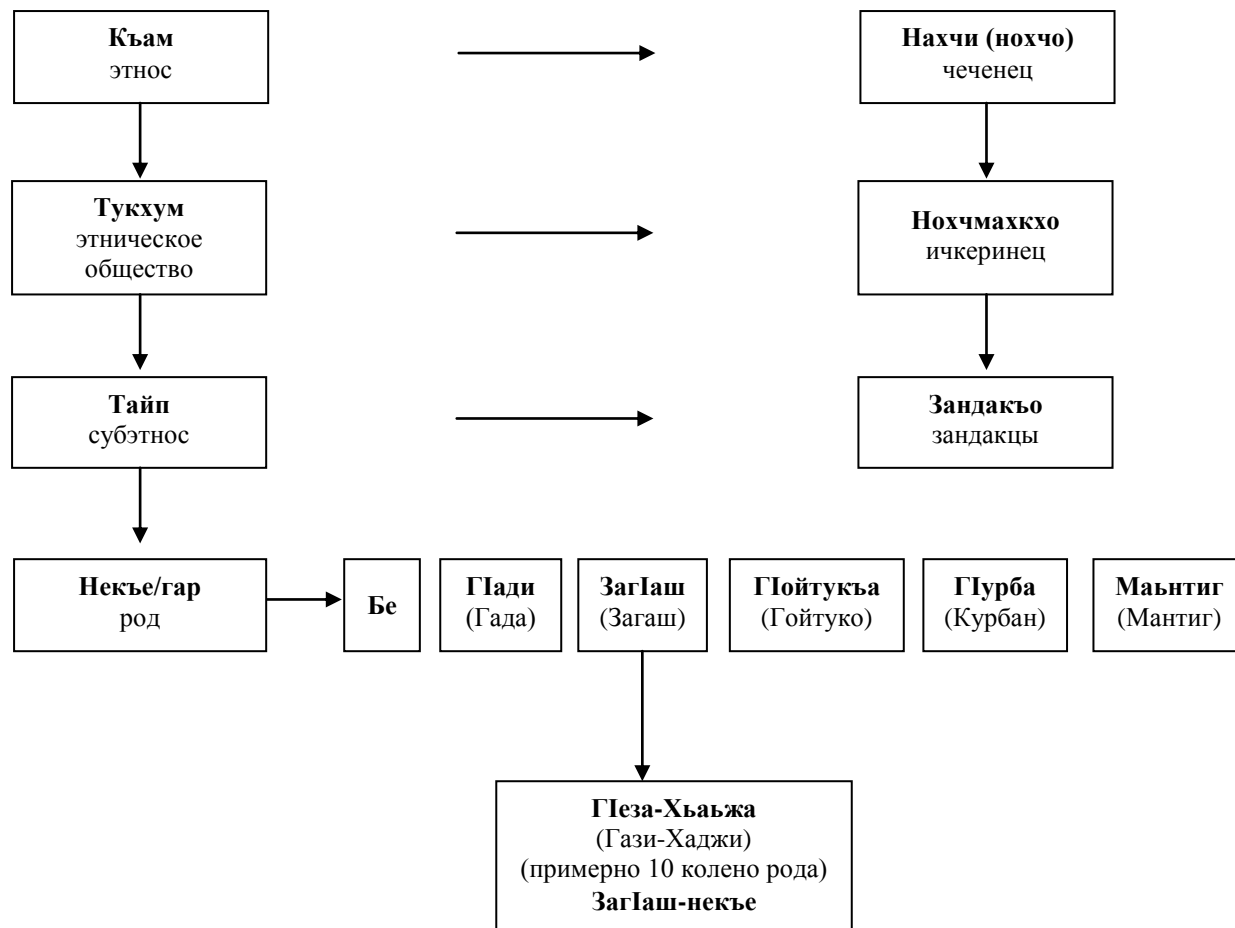
Арзу был известен не только в горах, но и на равнине, где в старинном чеченском селении Давлетгири-эвла (русское название Старый-Юрт, ныне с. Толстой-Юрт, Грозненского района Чечни) проживал его брат Арби и другие родственники, которые переселились туда вследствие голода в горах в конце XVIII века. Оттуда же была родом и жена Арзу Рахимат, которая также принадлежала к зандакскому тайпу. В глубокой религиозности и в духе преданности лучшим горским традициям супружеская чета Арзу и Рахимат воспитали шесть сыновей: Орзу, Агамирзу, Гази, Алдама, Гожакха и Тодакха. Все они так или иначе приняли участие в освободительной войне чеченского народа XIX века против военно-колониальной экспансии Российской империи.

⁵ Дубровин Н. Исторические войны и владычество русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. Кн. 1. С. 372.

⁶ Доного Х. Сверкающий газават. Имам Гази-Махаммад. Махачкала, 2007. С. 18

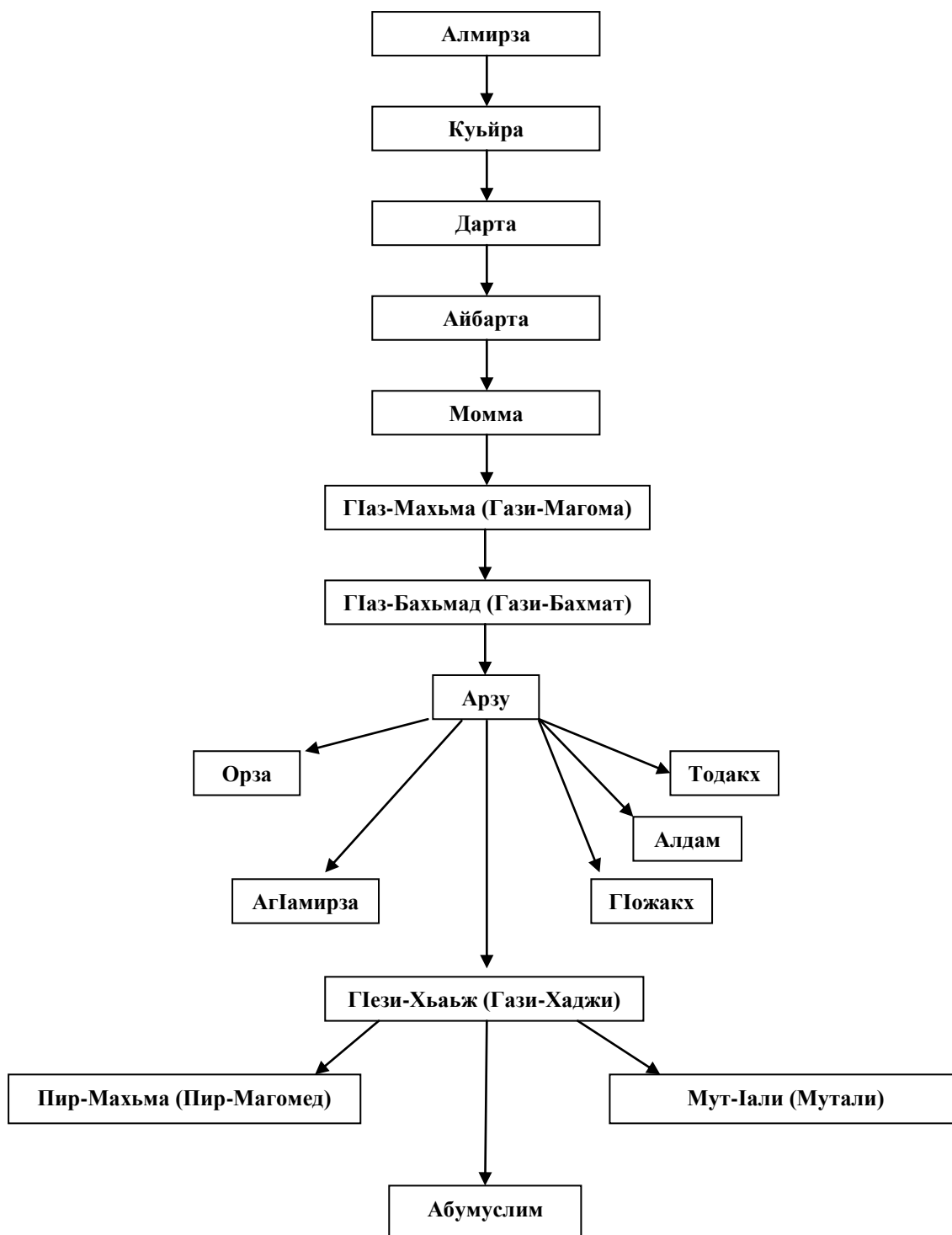
⁷ Полевые материалы автора (далее ПМА). Май 1992.

ЭТНОРОДОСЛОВНАЯ ГАЗИ-ХАДЖИ ЗАНДАКСКОГО

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО ГАЗИ-ХАДЖИ ЗАНДАКСКОГО

НАЧАЛО ПУТИ

Гази с раннего детства отличался тягой к религиозным знаниям. Отец отдает его в юные годы на обучение и воспитание широко известному шейху Дагестана Мухаммаду Ярагскому. Несколько лет он обучался у этого алима различным религиозным и правовым тонкостям шариата и мистическим знаниям тариката. Именно здесь завязалось его раннее знакомство с будущими имамами Гази-Мухаммадом и Шамилем и выдающимся религиозно-политическим деятелем Чечни первой половины XIX в. шейхом Ташев-Хаджи, который стал его вторым духовным наставником.

В начале 30х гг. XIX в. Ташев-Хаджи был имамом в крупном дагестанском селении Эндери, где находилась и религиозная школа – медресе. Эндери – крупное торговое селение не только Дагестана, но и всего Северо-Восточного Кавказа. Здесь преимущественно проживали кумыки, но также были и чеченские кварталы. «Многие из них (горцев – С.М.) приходили в Андреевское селение... с просьбой разобрать дело или разъяснить возникшее недоразумение. Особенно тесными были связи Эндери с горными чеченцами. Возможно, что именно здесь было положено начало связей Ташева с Чечней»⁸.

Дружба двух горцев Ташев-Хаджи и Гази, который был на 13 лет моложе своего учителя, стала одной из причин переселения первого в Чечню. Ташев-Хаджи прибыл в 1834 г. в Ичкерия, которая стала олимпом его духовно-религиозной и военно-политической деятельности, в сопровождении своего кунака и ученика Гази из Зандака.

Как в свое время на заре ислама пророк Мухаммад, движимый аятами Аллаха и идеями ислама, нашел достойное прибежище в Медине, также Ташев-Хаджи (в Чечне его с большим уважением называют Воккха – Хьаьжа – Великий – Хаджи), став мухаджиром на пути Аллаха, пришел в Горную Чечню, где приобрел большое множество выдающихся соратников: Гази-Хаджи Зандакский, Миндар, Бешту из Саясана. Чечня стала на его жизненном пути и «Меккой и Мединой», здесь он приобрел славу исламского «прямоидущего» подвижника и здесь он нашел последний земной приют⁹.

Реализуя план консолидации различных социальных и этнотерриториальных групп в борьбе против российской экспансии, Ташев-Хаджи нуждался в опытном союзнике. Поселившись в начале 1836 г. у своего друга и ученика Гази в Зандаке, окружив себя сотней верных мюридов, он вступил в

⁸ Закс А.Б. Ташев-Хаджи – сподвижник Шамиля. Грозный, 1992. С. 11.

непосредственные переговоры с Шамилем. В середине февраля в дагестанском селе Чиркат Ташев-Хаджи, Шамиль и Кибит-Магомед, собравшись вместе, решили принять совместные меры по укреплению шариата и ограждению своих последователей от произвола горской верхушки.

Мухаммед Тахир очевидно считал эту встречу особенно важной, так как в связи с ней он впервые упомянул имя Ташев-Хаджи: «От чеченцев пришел Хаджи Ташев, примерно с сорока товарищами, среди которых был и Гази Зандакский. Результатом этого совещания было первое крупное совместное выступление лидеров освободительного движения, проложившего путь к включению в Имамат горские общества центрального Дагестана.

Узнав об успехах Ташев-Хаджи в Дагестане, полковник Пулло решил заставить чеченцев думать о собственной безопасности. В своем рапорте военному министру графу Чернышеву от 10 сентября 1836 г. он сообщал, что «сообщник Шамиля чеченский возмутитель Ташев Гаджи в последнюю половину августа (1836 г.), избрав постоянным своим местопребыванием и главным местом сборищ деревню Зандак, снова начал принуждать чеченцев к враждебным против нас действиям»¹⁰.

В двадцатых числах августа Пулло решил внезапной военной экспедицией в горы Чечни нанести сокрушительный удар растущему влиянию Ташев-Хаджи, который планомерно, шаг за шагом распространял шариат и приводил один аул за другим к мусульманским присягам. В ночь на 22 августа с 4 батальонами пехоты, 500 казаками при 10 орудиях Пулло двумя колоннами двинулся к селу Зандак. По пути к ним присоединился отряд кумыкского князя полковника Мусы Хасаева. Направив колонну полковника Пантелеева в тыл чеченцам, Пулло с другой колонной пошел по Ауховскому ущелью и к утру достиг аула Кишен-Аух, расположенного всего в шести километрах от Зандака.

Опасаясь, что чеченцы могут заметить подход войск, Пулло направил вперед всю кавалерию во главе с полковником Ковалевским. Следом пошел и сам с батальоном пехоты при трех орудиях. Ковалевский достиг Зандака одновременно с Пантелеевым. Разгорелась жестокая схватка. Зандакцы, среди руководителей которых был Арзу и Гази, защищались отчаянно. Последняя группа защитников укрылась в аульской мечети, откуда продолжили сопротивление. «Мечеть газавата» – так называли свою святыню жители Зандака. В этой мечети получил сквозное ранение в ухо старый воин Арзу. Защитникам пришли на

⁹ Ташев-Хаджи похоронен в Саясан, где над его могилой сделана зиярат (мазар).

помощь соседние горцы из Беноя, Балансу, Мескеты и Алмака. Исход схватки решила молниеносная подмога выдающихся чеченских соратников Ташев-Хаджи – Уди-муллы Шуанинского и Хаджи-Магомета Герменчукского. Чеченцы одержали победу: Пулло вынужден был отступить.

Впрочем, о характере военных операций этого военачальника русской армии в Чечне немало говорят данные о его трофеях, захваченных в экспедиции. Так, в «именном списке пленных, захваченных отрядом войск под командой командующего Сунженской линией полковника Пулло при наказании непокорной Ичкеринской деревни Зандак августа 23 дня 1836 г.» значится 30 имен. Из них 10 принадлежат «мужскому полу» в возрасте от 1 до 8 лет, 8 – «женского пола» в таком же возрасте. Остальные женщины от 14 до 60 лет. Пленных обоего пола в возрасте 1 года захвачено 3 человека¹¹.

К сожалению, некоторые русские военачальники следовали античеловеческим имперским стереотипам, считая горцев дикарями, не заслуживающими элементарного человеческого обращения. Их чудовищная деятельность приносила неисчислимые страдания горцам и вызывала ярый протест. Даже официальные источники признавали, что «во главе нашего управления горцами левого фланга стоял глубоко ненавидящий последних генерал-майор Пулло, человек крайне жестокий, неразборчивый в средствах и часто несправедливый»¹².

Несмотря на заявления Пулло своему начальству о том, что «разорение зандакцев произвели важные для нас выгоды... остановило на некоторое время враждебные замыслы чеченских возмутителей»¹³, влияние и власть Ташев-Хаджи в Чечне укреплялись. Вокруг него сформировалась небольшая группа выдающихся военно-политических и духовных деятелей чеченского общества первой половины XIX в.: Гази Зандакский, Хаджи-Магомет Герменчукский, Уди-мулла Шуанинский, Шуаиб-мулла Центоройский и Джавадхан из Дарго. Эту когорту можно с полным основанием назвать элитой народа. Они составляли лучшую в морально-нравственном и интеллектуальном отношении часть чеченского народа. Для них война не была самоцелью, они прилагали энергичные усилия для полной исламизации своего отечества, которая не мыслима без политического устройства страны, без установления мусульманского права для регламентации общественной жизни.

¹⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6306. Л. 58.

¹¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6306. Л. 79.

¹² Кавказский сборник. Т. 10. С. 272.

НАСТАВНИК ИМАМОВ И ШЕЙХОВ

Методы военно-колониальной политики Российской империи в Чечне и Дагестане, да и в других частях Северного Кавказа, были во многом губительными для экономики, политического развития и общественно-культурных устоев горского общества. Карательные экспедиции русских войск были направлены не только против «непокорного элемента», но и разрушали экономическую базу горской жизни.

Блокада одних горских обществ, лишение пахотных земель других, изгнание горцев с зимних пастбищ в предгорьях нарушили традиционную систему жизнеобеспечения горцев.

Российское проникновение наряду с позитивными принесло и негативные перемены, повлекшие за собой разложение культурных основ жизни мусульман-горцев. Одним из самых губительных новшеств стало распространение спиртных напитков. Еще в 1819 г. А.П. Ермолов, характеризуя жителей Акуши, отмечал, что уже в народе следом за привычкой к водке появилось распутство¹⁴. Горцы ясно понимали, откуда исходит источник.

В политической сфере дела обстояли не лучше. Местные владетели, выступавшие против завоевательной политики России, были изгнаны либо уничтожены, но даже те, кто принял условия русской власти, во многом лишились собственной власти. В этих условиях они усилили гнет своих подданных. И в глазах рядовых горцев их поведение абсолютно противоречило всем нормам шариата.

Атмосферу морально-психологической подавленности, витавшей в воздухе, наиболее ярко и эмоционально выразил ученик Мухаммада ал-Яраги (Ярагского) будущий имам Дагестана Гази-Мухаммад: «Как же можно жить в доме, где не имеет отдыха сердце, где власть Аллаха неприемлема? Где святой ислам отрицают, а крайний невежда выносит приговоры беспомощному человеку? Где презреннейший считается славным, а развратный – справедливым, где мусульманство превращено в невесть что? Где человек, отдающий приказ о совершении благодеяний, подозревается в том, что он портит, а запрет порицаемого исламом оказывается не имеющим силы?.. Я выражаю соболезнование горцам и другим в связи со страшной бедой, поразившей их головы, и говорю, что если вы не предпочтете покорность своему

¹³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6306. Л. 61 (об.), л. 74.

¹⁴ Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 73.

Господу, то да будьте рабами мучителей»¹⁵.

Центром притяжения всех тех, кто не желал смириться с существующим порядком, кто готов был вступить на нелегкую дорогу утверждения «власти Аллаха» и борьбы с завоевателями и поработителями стал лезгинский аул Яраг, где в небольшом медресе учил и проповедовал мулла Мухаммад.

Этот величайший мыслитель и мусульманский ученый Северного Кавказа прошел сложный путь духовного озарения: от кадия на службе у Кюринского владетеля Асланхана до глубоко раскаявшегося аскета-ученого, ставшего духовным наставником имамов и шейхов. Русские историки считали его «творцом нового учения и душой мюридизма» (Р.А. Фадеев), «ревностным распространителем грозного учения» (И.Н. Захарьин); мусульманский автор Хайдарбек Геничутлинский назвал его «источником божественных истин... светочем исламской религии», а сам Мухаммад Ярагский назвал себя «жалким рабом Аллаха»¹⁶.

Мухаммад Ярагский обладал глубоким умом и незаурядным природным талантом, был крайне требовательным суровым по отношению к себе, чем вызывал огромное уважение у горцев и восхищение у недругов. Один из русских авторов царского периода составил блестящий словесный портрет Ярагского шейха: «... был весьма замечательной наружности: высокого роста, с глазами опухшими от бессонных ночей, проведенных в непрестанной молитве, и с короткою седою бородкою, окаймлявшею смуглое худощавое, но выразительное лицо. Кротость и добродушие в чертах обличали ученого аскета-муллу, звание которого обозначалось еще зеленою чалмою, такого же цвета архалуком и синею мантиею... с тех пор как он ослеп, он весь погрузился во внутреннее созерцание своего бытия»¹⁷.

Квинтэссенцией его учения стала идея нравственного усовершенствования человека. При этом большое значение придается проблеме внутреннего осознания человеком своих грехов и раскаяния в них. Мухаммад Ярагский «реформу душ» начал с самого себя: «Я очень грешен перед Аллахом. До сих пор я не понимал ни воли Аллаха, ни предсказаний Его посланника Мухаммада. По милости Всевышнего только сейчас мне открылись глаза, и я, наконец, вижу, как подобно сверкающим алмазам проходит мимо меня источник вечной правды. Все мои прошлые деяния лежат на моей душе как тяжелое бремя грехов. Я

¹⁵ Доного Хаджи Мурад. Сверкающий газават. Имам Гази-Мухаммад. Махачкала, 2007. С. 160.

¹⁶ Пашаева Ш.Ю. Мухаммад ал-Яраги и кавказский мюридизм. Махачкала, 2003. С. 255.

¹⁷ Захарьин И.Н. Кавказ и его герои. Кн. 1. СПб., 1902. С. 357-358.

потреблял плоды вашего поля, я обогащался за счет вашего добра, но священнослужителю не пристало брать и десятой доли, а судья должен судить только за вознаграждение, которое обещал ему Аллах. Я не соблюдал этих заповедей, и сейчас совесть обвиняет меня в грехах. Я хочу искупить свою вину, попросить прощения у Аллаха и у вас и вернуть вам все, что я брал ранее»¹⁸.

Проповедь, проникнутая самокритичностью, при большом стечении народа вызвала единодушную симпатию к шейху из Ярага. Для горцев, привыкших ценить собственное достоинство и имеющих высокие амбиции, такие искренние признания и раскаяния стали благодатным дождем, очищающим их души от грехов и пороков, от ржавчины и эгоизма.

«Кто воистину стремится исполнить требования шариата, – отмечал в своей проповеди ал-Яраги, – тот должен отказаться от всех земных благ. Кто полностью посвятил свою жизнь вечному Аллаху, тот пройдет по тонкому, как лезвие ножа, мосту сират и войдет в рай, где его ждет вечное блаженство. Но пока на нас лежит чей-то гнет, будь то гнет верующих или неверных – все наши дела и мысли станут позором, ибо молитвы рабов не будут услышаны...»¹⁹.

Шейх Мухаммад развернул кипучую деятельность по разъяснению основ ислама, критикуя пороки действительности, он указывал на путь спасения. Начал со своего аула Вани-Яраг, с искренних раскаяний до зажигающих речей. Вскоре круг мусульман, охваченных этой деятельностью, расширился за счет соседних селений. Идеи Ярагского быстро охватили Южный Дагестан. По выражению штабс-капитана Прушановского, «слух о мулле Магомете распространился по всему Дагестану, и со всех сторон дагестанцы начали стекаться в селение Яраг, дабы слышать и видеть муллу Магомета, принимали от него благословение, клялись следовать его учению, признавали мюршидом, а себя его мюридами»²⁰.

Военный историк В.А. Потто был более лаконичен: «Весть о новом учении и чудесном ораторе с быстротой электрического тока охватила собой все углы Дагестана и пронеслась оттуда в Чечню»²¹.

К шейху Мухаммаду из Ярага потянулись представители разных народов и областей Восточного Кавказа. В широком распространении и разъяснении программы «обновления ислама» заметную роль сыграло собрание духовных деятелей и мусульманских ученых, состоявшееся в Яраге в 1825 г.

¹⁸ Доного Х. Указ. соч. С. 25.

¹⁹ Там же.

²⁰ Кавказский сборник. Т. XXIII. Тифлис, 1902. С. 7.

Здесь были шейх Джамалуддин из Казикумуха, Хас-Мухаммад из Ширвана, Гаджи-Юсуф из Губдена, Хан-Мухаммад из Табасарана, Ших-Шабан из Бахнода, Курбан-Мухаммад из Ругуджи, Абдурахман из Согратля, Гази-Мухаммад и Шамиль из Гимры, Ташев-Хаджи из Эндирея и Гази из Ичкерии. Двум последним принадлежит огромная роль в активизации исламского фактора в Чечне и распространении идей Мухаммада из Ярага. Его имя и идеи получили большую популярность среди чеченцев. Это подтверждается хотя бы тем, что его прозвище ал-Яраги, данное по названию родного села, у чеченцев стало распространенным мужским именем.

Программа Ярагского была сверхактуальна, поэтому она способствовала консолидации разрозненных горских племен и обществ в единое целое и выработке общих идеологических установок. «В то время, как сверкающий круг российских штыков смыкался со всех сторон, влияние муллы Мухаммада ал-Яраги неуклонно росло год от года – неосязаемое, нематериальное, оно уверенно и молча проходило сквозь изгородь ошестинившейся стали, словно корабль-призрак сквозь встречные скалы или словно огонь на болоте, крадущийся против ветра. Движение двух концентрических стихий, материальной и духовной, происходило в одинаковом темпе, но в противоположных направлениях, и, когда со стороны казалось, что последняя искорка свободы Дагестана потухнет под сапогами царских солдат, священное пламя готово было вспыхнуть с новой силой и озарить страну во все стороны, до самых дальних границ»²².

За короткий период своей жизнедеятельности Мухаммад ал-Яраги при поддержке решительно настроенной когорты сторонников произвел эпохальную идеологическую революцию, результаты которой ощущаются до сих пор. Важнейшим итогом его деятельности явилось то, что он оживил религию, связав ее с реальным положением жизни горских народов, сделав веру движущей силой освободительного движения. Наставник имамов и шейхов Ярагский не только обновил застывшие идеи ислама в горах Северного Кавказа, но и зажег необычайно яркий свет веры в духовной жизни горцев – веры чистой и одухотворенной, какой она была во времена пророка Мухаммада.

ПОЛИТИКА ИМПЕРИИ – ИСТОКИ ГОРСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Политика российского военного командования на Северном Кавказе в первой половине XIX в. была направлена и против самобытности горцев, и против внутренней исламизации. Она абсолютно

²¹ Потто В.А. Кавказская война. Т. 5. Ставрополь, 1994. С. 38.

игнорировала социокультурную специфику горского общества и особенности менталитета. Духовные чаяния и политические устремления дагестанцев и чеченцев вступили в острый конфликт с великодержавной, «имперско-мессианской» стратегией царского командования на Северном Кавказе.

Русское командование считало неприемлемым использование каких-либо морально-этических норм в отношении горцев. Для него воюющие горцы были «хищниками», «шайкой разбойников», «скопищем изуверов» и т.д. Командующий кавказским корпусом генерал Головин, назначенный на должность 19 марта 1838 г., имел богатый опыт подавления антиколониального протеста, так как до службы на Кавказе он возглавлял военный корпус в Польше.

Головин послал полковнику Пулло 17 ноября 1838 г. секретное предписание следующего содержания: «Около трех лет Шамиль коварными действиями своими возбуждает волнение между племенами Дагестанскими и Чеченскими... Зло, которое причиняет этот вредный человек, оправдывает всякую меру, которая с успехом может быть употреблена для истребления его. Из преданных нам горцев, без сомнения, найдутся отважные люди, которые за хорошую денежную награду возьмутся доставить голову возмутителя. Поручаю Вам испытать эту меру, тайно предложив убить Шамиля тем из известных вам горцев, в отважности, преданности и предприимчивости коих вы уверены, обещая награду 1000 червонцев, которые, в случае исполнения, будут вам высланы»²³.

Такие методы борьбы с горцами вызвали острое неприятие всего того, что несла российская военно-колониальная политика на Кавказе. Ярким документом этой политики является «Воззвание генерала Граббе к Ичкеринскому народу» от 13 мая 1839 г., которое было переведено на арабский язык: «Государь Император Всероссийский вверил мне в управление всеми горскими племенами, обитающими между кордонной линиею и Кавказским хребтом. Между тем я узнал, что недостойный и низкий мюрид Шамиль, старый товарищ Кази-Муллы, которого Русские войска разбили под Гимрами, имеет между Ичкеринцами много друзей. Негодный Андреевский мулла, изменник Ташев-Хаджи, обманывает вас, старается возмутить против Русского правительства, успел набрать между вами партии, которые не хотят повиноваться Российскому государю, и вместе с Шамилем убеждает всех жителей принять его шариат. Поэтому я прибыл сам в Чечню с отрядом для того, чтобы восстановить здесь спокойствие и порядок, уничтожить козни

²² Гаммер М. Указ. соч. С. 7576; Доного Х. Указ. соч. С. 26.

Ташев-Хаджи, истребить до основания непокорные аулы и оказать милость и покровительство мирным жителям... Те же аулы, которые дадут убежище Ташеву-Хаджи, будут истреблены до основания, и дети ваши будут долго поминать, как наказываются возмутители»²⁴.

Оценки Головина, Граббе и других великодержавных военачальников в отношении Шамиля, Ташев-Хаджи, Гази-Хаджи не совпадали с мнением простых горцев, чеченцев и дагестанцев, которые видели в них подлинных исламских руководителей, готовых словом и силой утвердить религию Аллаха, устранить хаос и препятствия на пути консолидации горцев.

По мнению известного чеченского историка Ш. Гапурова воззвание Граббе в 1839 г. стало одной из причин всеобщего восстания в Чечне в 1840 году²⁵. Ультимативные воззвания, разорительные экспедиции, подкуп горской верхушки – вот неполный арсенал в политике русского военного командования в Чечне, которое так резко реагировало на свободолюбие и отпор со стороны «горских хищников». Русское военное командование не считало нужным различать правых и виновных, хотя и существовала классификация на «мирных» и «непокорных» горцев. Оно оказалось в этот ключевой период не способной выработать гибкую и рациональную тактику, основанную на экономической выгоде и учете культурной специфики северокавказских мусульман. Мощный потенциал имперской экспансии, рожденной в петровский период и бурно возродившийся в екатерининский, толкал «наследников Ермолова» к испытанной методе тотального подавления.

Чеченцы очень быстро испытали на себе «прелести» новых методов царского завоевания: «Все лучшее у них отбиралось под предлогом взимания налогов и податей; случалось, что по доносу и просто злему навету арестовывались совершенно безвинные люди; с арестантами и даже заложниками обращение было бесчеловечным... во время военной экспедиции допускалась реквизиция скота и продовольствия»²⁶.

Во время похода Пулло в Зандак в августе 1836 г. захватил в качестве добычи имущество зандакцев и 584 головы рогатого скота²⁷. Во время двух экспедиций 1840 г. того же Пулло, но уже в звании генерала, вторая из которых была направлена против ичкеринцев и ауховцев, он собрал у чеченцев 6242 рубля и

²³ АКАК. Тифлис. Т. 9. Ч. 1. С. 321.

²⁴ Милютин. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб., 1850. С. 134 – 135.

²⁵ Гапуров Ш.А., Израйилов А.М., Товсултанов Р.А. Чечня на завершающем этапе Кавказской войны (Страницы хроники русско-горской трагедии XIX века). Нальчик, 2007. С. 26.

²⁶ Кавк. Сб. 1886. Т. 10. С. 268 – 269.

отобрал 1000 ружей, кроме того личный состав питался за счет конфискованных овец и собранных штрафов.

Чеченцы были разорены в материальном плане и доведены до отчаяния в плане психологическом. Последней каплей стали «неосторожно брошенные слова» генерала Пулло: «Теперь, отняв у них оружие, нам остается снять с женщин шаровары»²⁸.

Новый наместник, командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал Головин в начале 1840 г. был уверен, что в Чечне не предвидится в нынешнем году каких-либо «больших волнений или общего восстания»²⁹. Поразительная близорукость считать, что жесточайший прессинг, подавление воли и откровенный грабеж способны навсегда парализовать дух народа. Весной 1840 г. различные уголки Чечни на равнине и в горах были объаты всеобщим недовольством, порожденным политикой российской колониальной власти. Начиналась «блистательная эпоха» Шамиля. Чечня стала его новым олимпом после катастрофы в Ахульго и навсегда обессмертила его имя в истории Кавказа. Именно в Чечню переместился новый административно-политический центр Имамата – военно-теократического государства горцев, классический этап формирования которого приходится на начало 40-х гг. XIX в.

Чечня была разделена на 4 округа, в каждом из которых имам назначил наместника – наиба:

1. Малая Чечня – Гехи (территория между реками Аргун и Фортанг) – под руководством Ахверды Магомы. Он мог выставить около 4000 вооруженных всадников.

2. Большая Чечня (территория между реками Аргун и Хулхулау) под руководством Джаватхана. Его военные силы насчитывали около 3000 воинов.

3. Ичкерия – Мичик (Качкалыкский хребет и значительная часть Ичкерии) под началом Шуаиб-муллы. Он мог выставить отряд, численностью до 2000 воинов.

4. Аух и его окрестности (территория от Ичкерии до Салатавии) была подчинена Ташеву-Хаджи. Он мог собрать 2000 всадников.

Зандакские, билтоевские и ауховские аулы стали вотчиной Ташев-Хаджи, который «имел большое

²⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6306. Л. 60 – 61

²⁸ Цит. по Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 164.

²⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6363. Л. 3.

влияние на чеченцев и пользовался уважением»³⁰.

СИМСАР – ДУХОВНЫЙ ОЛИМП ГАЗИ-ХАДЖИ

Родовое гнездо тайпа зандакъой во второй половине 1830 гг. три раза подвергалось нападению и разорению со стороны царских военных сил. Зандак превратился в своеобразный духовный центр Ичкерии благодаря Гази, который стал первым советником и помощником Ташев-Хаджи. Возможно, это стало причиной частых военных экспедиций в зандакские села. После смерти отца в конце 1830-х гг. Гази со своими братьями и единомышленниками переселяется на южные окраины зандакских земель, на место, выбранное еще при жизни Арзу, и основывает новый аул, названный Газием Симсар³¹.

Симсар – арабское слово, которое имеет множество значений. Этим словом обозначают и «посредника» в торговле, и «посланника» между влюбленными. Наконец, третье значение Симсар-аль-ард в Подстрочный перевод автора с арабского означает «знающий местность». Очень емкое и точное название: Гази знал здесь все. Каждая вершина, каждое дерево и родник – все здесь связано с древним и замечательным родом шейха Гази-Хаджи, сына Арзу.

Очень часто чеченцы после нападения царских войск, а еще раньше и завоевателей-кочевников и разгрома своих аулов уходили в лесные дебри, в горные тущобы, вырубали лес и закладывали новые поселения, хутора (отар, ирзу). Все это свидетельствовало о неистребимой способности чеченского этноса выживать в экстремальных условиях. В окрестностях одного только аула Дарго было построено 26 горных хуторов в XVIII – XIX вв. Эти маленькие поселения, которые создавались первоначально как островки безопасности, также часто подвергались жестоким экзекуциям завоевателей.

Вокруг древнего Зандака в радиусе восьми километров также возник целый ряд поселений: Зандак-Ара, Гилна, Татай-отар, Байтарки, Чечалюх, Даттах и Симсар³². На месте, где возник Симсар, была величественная природа. «Аул Симсары, хотя и являлся малым горным аулом, однако был со всех сторон защищен природными укреплениями – большим густым лесом и скалами»³³. Южные окраины поселения были крепко закрыты вершинами Дюйра, Атай-корта, Амир-корта. Аул с двух сторон огибался двумя рукавами реки Ярхсо, которая естественным образом обозначила границы нового поселения. Ее быстрые

³⁰ Русская старина. 1876. № 5. С. 147.

³¹ Нынешнее название Симсар (Ножай-Юртовский район ЧР) искажено вследствие незнания первоисточника.

³² Сулейманов А. Топонимия Чечни. Нальчик, 1997. С. 328.

потоки постепенно привели к формированию глубоких ущелий, вокруг нового аула росли густые леса. Одним словом, Симсар являлся надежной крепостью, созданной самой природой и возвеличенной ее обитателями.

Маленький зандакский аул Симсар сыграл очень важную роль в истории Чечни и Кавказа. Здесь, в высокогорном ауле, защищенном грядой величественных гор, которые возвышаются как братья, каждая из которых имеет свое название, осели потомки Арзу по завету своего праотца. Симсар стал духовной резиденцией шейха Гази-Хаджи, к которому за советом и наставлениями приходили лучшие сыны Чечни и Дагестана. Они долго внимали проповедям великого подвижника ислама, вершины Амир-корта и Дюйра видели на своих склонах «прямоидущего мухаджира» Ташев-Хаджи и «беноевского льва» Байсунгура, героя лесных сражений Шуаиб-муллу Центроевского и великого аскета шейха Кунта-Хаджи и многих рядовых и известных горцев.

Гази внушал людям умиротворенность и духовную чистоту, покаяние за земные деяния и твердость на пути Аллаха. Сын Чечни и обитатель Симсара здесь, на стыке гор Чечни и Дагестана, лично хоронил обезглавленные в яростном сражении с врагами тела своих родных братьев, а самому не суждено было получить саван и могилу на отчей земле. Здесь он уходил в уединение – халват, погружаясь в глубокое поклонение и созерцание вечного, отрешался от всего суетного, мирского не от того, что ему опостылело земное существование, а потому, что он в безграничных молитвах к Аллаху искал ответы на животрепещущие земные вопросы о будущем его Отечества, о духовном очищении его народа, о судьбах ислама на Кавказе.

Огромное внутреннее напряжение приводило к сильнейшему физическому истощению. Из халвата Гази выходил, оперевшись двумя руками на своих учеников, лицо было бледное, ведь он находился там «осязая ахира», то есть загробный мир, но глаза блестели внутренним огнем. Он был лишен амбиций, никогда не искал славы и высоких признаний, его чувства всецело были сосредоточены на Одном, Единственном и Вечном – Аллахе. Здесь он призывал к вере и отказу от всего греховного, здесь он простил убийцу своего сына и совершил мольбу за своих обидчиков, из-за которых он и его братья покинули Зандак. Именно отсюда со словами: «Махкана маршалла, со сагӀа хуьлийла», что означает «Пусть

³³ Расу Гайтукаев, кадий имама Алибека-Хаджи. Ахульго. 2008. №8. С. 23.

свободную будет страна, я милостыня за тебя» он отправился в дальнее путешествие, в гости к Аллаху, на землю священной Мекки, где нашел свой вечный приют.

Аллах поистине был милостив к Гази-Хаджи. Он ответил на его мольбы, его духовные свершения не прошли бесследно. Начиная с 60-х гг. XIX в. и вплоть до революционных событий XX в., редко можно найти шейха или мусульманского ученого на чеченской земле, который не был бы связан с духовной школой Гази-Хаджи Зандакского. Он оставил великое и бесценное наследие в своем Отечестве – это свет Ислама, который лучше несметных богатств царей и правителей.

ПЛЕЯДА ГЕРОЕВ

Новый виток освободительного движения в Чечне в 1840 г. был в значительной мере обусловлен жестокими действиями русского кавказского командования и огромной идеологической работой Ташев-Хаджи, Гази-Хаджи и их соратников, которые выразили готовность поддержать имама Шамиля.

Ташев-Хаджи, возглавив по поручению Шамиля правый фланг (от Ичкерии до Западного Дагестана), блестяще владея тактикой партизанской войны, казался русским военачальникам вездесущим и неуловимым. То его конница появлялась на Сунже вблизи крепости Грозной, то он совершал отважный бросок на крепость Внезапную. Когда царские войска ждали его на равнине в Герзель-ауле, он, объединив ауховцев и ичкеринцев, устремлялся в горы. Генерал Галафеев направил карательную экспедицию в Аух, Ташев смелым рейдом отбил в Герзель-ауле 28 артиллерийских орудий. На удачные действия генерала Фрейтага в Назрани Ташев-Хаджи ответил на другом конце левого фланга Кавказской линии, где, укрепившись в с. Миатлы, направил отряды на Кумыкскую плоскость и в Салатавию. Стоило только генералу Галафееву во главе больших военных сил двинуться за ним, он оперативно увел свою конницу через Аух в Ичкерию, которая стала для него и местом постоянной резиденции и надежным приютом. В ближайшем окружении Ташева непременно были Гази и его братья. Таким образом, тактика молниеносного действия свела к нулю масштабную дорогостоящую военную экспедицию генерала Галафеева.

Опираясь на успехи в Чечне, Шамиль вновь приступил к овладению Дагестаном. Его действия в июле 1840 г. в Северном Дагестане, на территории Шамхальства Тарковского, были особенно удачными. Он собрал большие силы, во главе которых стояли сам Шамиль, Ташев-Хаджи, в отряде которого был Гази-Хаджи и Джаватхан. Они внезапным ударом заняли села Капчугай и Чиркей. Генерал Клюки-фон-Клюгенау

с батальоном пехоты, 50 казаками, дагестанской милицией при одном орудии прикрыв Ишкарты. 7 июля войска имама атаковали и заняли один за другим Ишкарты, Зубт, Эрпели и Каранай. В этих сражениях отличился Гази с братьями. Существование крупнейшего феодального владения Тарковского Шамхальства было поставлено под угрозу, что вызвало серьезное беспокойство царских властей. При этом Шамиль отрезал русского генерала от воды, а Джаватхан – от Темирхан-Шуры.

Царские силы и их приспешники потерпели серьезное поражение. Были потери и со стороны горцев: в этих боях под Ишкартами героически погибли братья Гази Зандакского – Гожакх и Тодакх³⁴.

Дальнейшее развитие наступления в Северном Дагестане Шамиль внезапно приостановил, вернувшись в Чечню, приведя тем самым в полное недоумение Кавказское командование. Некоторые сильно напуганные генералы увидели в этом уходе даже «особенный дар Провидения». В одном из военных документов отмечалось, что «скопища Шамиля, уже успевшие склонить на свою сторону несколько шамхальских деревень, без всякой побудительной причины удалились из Шамхальских владений»³⁵.

Причины были и заключались они в возникших внутренних разногласиях в стане горских руководителей. Ташев-Хаджи увел отряд чеченцев и андийцев, поссорившись с Шамилем из-за дележа добычи. Вторая причина – отношение к горцам, не захотевшим бросить полевые работы и присоединиться к восставшим. Ташев-Хаджи выступил против «мерзких обычаев» в пользу шариата, но лишение горцев возможности вести свое хозяйство, тем более в летний период, прямо не вытекало из канонів мусульманского права. Вопрос о разделе добычи являлся важной составляющей военной системы горцев. По шариату право первенства в этом вопросе принадлежало имаму.

Шамиль в начале 1840-х гг., возглавляя движение, одновременно проводил важные преобразования: организация наместничеств, укрепление армии и создание государственной казны – «байталмал», в которой военная добыча была немаловажным слагаемым. Естественно стремление Шамиля, представляющего интересы движения горцев в целом, выделить определенную часть добычи в казну – свидетельствовало о его государственном подходе к решению вопроса. Понятны были также действия наиба Ташев-Хаджи, авторитетного руководителя горского ополчения, который, желая обильно наградить своих воинов, не жертвуя интересами государственной казны, формирование которой только-только начиналось.

³⁴ ПМА. Март 1992 г. Их обезглавленные тела были похоронены на Симсарском кладбище.

Ташев-Хаджи имел огромные заслуги в горском движении, он был не просто предводителем горского отряда, получивший, кстати, знамя имама Гази-Мухаммада, а был признанным шейхом и одним из идеологов шариата, который мог себе позволить и самостоятельность поступков, и независимость взглядов. Он нередко выступал открытым оппонентом имаму Шамилю по разным вопросам экономического, политического и религиозного характера, но никогда не изменял своему делу борьбы с завоевателями и был тверд на пути Аллаха. Не случайно мусульманский автор Мухаммед Тахир называл его «прямоидущим». Для Ташев-Хаджи, «уповающего на Аллаха Всевышнего и покинувшего красу сего мира»³⁶, религиозная деятельность была немыслима без активного участия в освободительной борьбе.

Несмотря на все это, Шамиль сместил Ташев-Хаджи с поста наиба из-за разногласий и чрезмерную самостоятельность последнего. Имам провел на рубеже 1840-1841 гг. в Чечне серьезные административные и военные преобразования, направленные на усиление властной вертикали. Результаты не остались незамеченными даже противником. Главнокомандующий Кавказским корпусом Граббе сообщал императору, что «Шамиль является теперь неограниченным почти властелином; поселившись в Ичкерии, он управляет Чечнею чрез своих наместников, собирает подати, налагает повинности, не боится нарушать самые старинные обычаи чеченцев. Таким образом, Чечня представляет теперь народ, соединенный под одной неограниченной властью; в их действиях виден общий план и единство, настойчивость в предприятиях и более сильное, нежели когда-нибудь упорство в сопротивлении русской власти»³⁷.

Соратники Ташев-Хаджи выразили недовольство его смещением, и чеченская делегация во главе с Гази-Хаджи Зандакским, в составе которой были Байсунгур и Солтамурад из Беноя, обратились к имаму с ходатайством о восстановлении Ташев-Хаджи. Шамиль с глубоким уважением относился к этим людям, именно благодаря им после военной катастрофы в Ахульго в 1839 г. он приобрел надежный и верный стан в чеченских горах. Свое стремление вернуться на прежний пост не скрывал и сам Ташев-Хаджи. В своих письмах к «величайшему имаму, славнейшей опоре, благороднейшему из имамов по благочестию и познаниям, совершеннейшему из людей его времени по разумению и пониманию, я имею ввиду Шамиля...» он просит «ради Аллаха и ради уважения носителей откровения, чтобы дал мне прежнее

³⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Л. 17.

³⁶ Закс А.Б. Указ. соч. С. 15.

³⁷ Зиссерман А. История 80го пехотного Кабардинского полка. СПб., 1881. Т. 2. С. 206.

наибство, учитывая приятельские времена и помня дни взаимной помощи и поразмыслив над временами бед. И ты, не причиняя мне вреда, внемля словам нынешних клеветников и прислушиваясь к переменчивым речам оголтелых безбожников, дабы не осталось между мной и тобой тяжбы перед господом милостивым в судный день»³⁸.

Весной 1841 г., когда на границе Чечни и Дагестана у Шамиля в разгар боевых действий возникли трения с руководителями андийского и каратинского ополчений, Шамиль снова призвал опытного Ташев-Хаджи. Он назначил его наибом крупной области в Чечне вместо Ахверды-Магомы. Сообщение об этом встречается в «Обзоре военных происшествий на Кавказской линии...» в донесении о событиях с 25 июля по 16 августа 1841 г.

Осенью 1841 г. Ташев-Хаджи со своими мюридами, среди которых и Гази, занимается утверждением шариата в Чеберлое, где шейх получает ранение. Последний этап жизнедеятельности Ташев-Хаджи в основном протекает в его духовной резиденции Саясане, где он продолжает духовное воспитание и образование своих верных мюридов. Здесь в мае 1843 г. он завершил свой яркий жизненный путь.

Его духовным преемником и «вторым шейхом накшбандийского тариката» в Чечне становится его верный друг и ученик Гази из Зандака.

Гази не искал земной славы, он как аскет и мусульманский алим стремился к духовным высотам, наставляя людей, примиря враждующие роды. Участвуя в войне против неверных, он стремился возвыситься перед Аллахом, а не людьми. Его скромный образ жизни, духовное подвижничество, глубокие знания и стойкость на праведном пути вызывали восхищение и любовь сотен и сотен верующих. Имам Шамиль, знавший Гази еще по учебе в знаменитом ярагском медресе, относился к шейху из Зандака с уважением. Гази не раз участвовал в походах Ташев-Хаджи, в Дагестан на помощь к Шамилю, направленных на вовлечение аварских и кумыкских селений в общее движение. Потомки бережно сохранили формулу приветствия двух горских лидеров. «Ассаламу Іалайкум ах'лул Мадинати» («Мир и благословение обитателям Мадины»), – произносил Гази, обращаясь к Шамилю. Имам в ответ говорил: «ВаІалайкум салам ах'лул Макка» («И вам благословение и мир, обитатели Мекки»).

Гази в период движения горцев был не просто рядовым воином, он выступал часто с миссией

³⁸ Шарафутдинова Р.Ш. Письмо наиба Ташев-Хаджи к Шамилю // Письменные памятники Востока. Историко-

мусульманского проповедника и идеолога. Также на основе анализа полевых материалов, обнаруженных автором, известно, что на определенном этапе Гази Зандакский выполнял функции мухтасиба, исламского инспектора, который следил за выполнением норм шариата различными должностными лицами (мудирами, наибями, кадиями) Имамата³⁹. По сообщениям одного из соратников имама Шамиля мухтасибы не получали от имама никакого вознаграждения, в их действиях не было угодничества перед имамом, и они не питали надежды получить от него повышения в должности⁴⁰.

Алимы – мусульманские ученые, к которым бесспорно принадлежал и Гази-Хаджи Зандакский, играли важную роль в идейно-политической и духовной жизни горского общества. Они были знатоками мусульманского вероучения и шариата, а также блестящими ораторами и проповедниками. Среди горцев они пользовались скорее властью морально-нравственного влияния, нежели военно-силовым авторитетом, тем самым оказывая огромное влияние на ход горского движения. Алимы были первыми наставниками горского общества в религиозно-духовной жизни и бесценными советниками имама в вопросах шариата и в делах государства, они стали главными идеологами освободительной борьбы горцев⁴¹.

ДУХОВНАЯ МИССИЯ В ЧЕРКЕСИЮ И МАЛУЮ ЧЕЧНЮ

После смерти Ташев-Хаджи по поручению имама Шамиля шейх Гази Зандакский отправляется с религиозной миссией на Северо-Западный Кавказ, в Черкесию через кабардинские земли. Имам с начала 1840-х гг. установил тесные военно-политические и идеологические связи с черкесами, которые упорно отстаивали свою независимость в борьбе против Российской военной экспансии. Несмотря на локальность и независимость движения черкесов, все же горцев объединяло единство цели.

Имамат, во главе которого стоял Шамиль, стал своеобразным религиозным и политическим центром для всех мусульман Кавказа. Шамиль стал признанным лидером народов гор, стремящихся сохранить свою политическую самостоятельность и духовную самобытность. «Хотя действия Шамиля ограничиваются Дагестаном и Чечней; но после успехов его в 1843 г. его влияние распространилось во всех горах, и за Кубанью, и по Черноморской береговой линией; агенты его: Хаджи-Мухаммед, потом Сулейман-Эфенди и, наконец, теперешний Мухаммед-Эмин, говоря его именем и действуя по его системе, хотя имели и имеют

филологический исследовательский ежегодник. 1972. М., 1977. С. 86 – 89.

³⁹ ПМА. Март 1992.

⁴⁰ Сто писем Шамиля. Махачкала, 1997. С. 242 – 243.

сопротивление от аристократического духа большей части тамошнего народонаселения, мало-помалу приобрели там силу и восстановили там более или менее единство против нас»⁴².

Шамиль наладил переписку с некоторыми духовными и владетельными лицами Черкесии. Важнейшим механизмом взаимоотношений двух очагов освободительного движения стала посылка черкесами представительных делегаций в Имамат для совещаний с Шамилем, с одной стороны, и направление имамом своих посланников к черкесам с исламской миссией, целью которой было налаживание тесных религиозных и политических контактов между горцами Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа.

Царское военное командование на Кавказе чинило всевозможные препятствия этим контактам, разрабатывая «систему наступательных действий и кровопролитных экспедиций», которые должны были решить задачу недопущения «мысли о союзе разноплеменных народов на правом и левом флангах Кавказской линии обитающих». Авторы официального военного обзора в заключении отмечали: «... не забывая общего восстания, бывшего в 1840 г.; мы должны предупредить повторение одного, устранением всех причин»⁴³.

В архивных и опубликованных источниках среди посланников Шамиля к черкесам не фигурирует имя Гази-Хаджи. В этом нет ничего удивительного, так как некоторые эмиссары из Имамата прибывали к черкесам тайно, соблюдая повышенные меры предосторожности. В религиозных песнопениях и фамильных преданиях потомков Гази-Хаджи Зандакского упоминается о его духовно-религиозной миссии к черкесам.

Сохранились даже стихи (назмы) на арабском языке, сочиненные неизвестным черкесским муллой, который встречался с Гази Зандакским. Гази в них называется «любимцем угодников Аллаха и... светом прямого пути. Он воитель за веру – гази... его имя соответствует его жизненному пути»⁴⁴. Известно, что эта миссия была краткосрочной, она состоялась примерно в 1842 или 1844 г. Устные предания сообщают, что призывы Гази Зандакского имели среди черкесов положительный отклик. В одном из военных очерков отмечается, что «несколько мулл, посланных Шамилем, тайно пробрались через Кабарду к абадзехам и, проповедуя между ними шариат, успели возбудить фанатизм, до тех пор чуждый племенам, обитающим

⁴¹ Мусхаджиев С.Х. Исламский узел Кавказской войны. Майкоп, 2006. С. 93.

⁴² АКАК. Т. X. С. 93.

⁴³ РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 63. Л. 53.

против правого фланга Кавказской линии... Бесленеевцы, башильбаевцы и тамовцы оставили свои места и присоединились к племенам непокорным»⁴⁵.

После возвращения из Черкесии Гази остается в Западной Чечне, в Гехинском наибстве. На его религиозные проповеди собираются сотни и сотни верующих, он здесь приобретает большое количество новых последователей, к его голосу очень чутко прислушиваются и наибы, и рядовые мюриды, и простые горцы, и духовные судьи.

Малая (Западная) Чечня во второй половине 1840-х гг. становится одним из основных театров военных действий. Здесь во главе горских отрядов стояли выдающиеся полководцы и признанные лидеры горского движения – Атабай-мулла Атаев, Дуба Вашингороевский, Мухаммед-Мирза Анзоров и Саадулла Гехинский. В планах русского командования Малая Чечня заняла центральное место в 1846 г., когда генерал Воронцов объявил приоритет тактике системных действий. Она заключалась в переселении горцев с территории Имамата на уже завоеванные земли, лишение пашен и пастбищ на равнине. Тактика «выжженной земли» царизма натолкнулась на героическое сопротивление чеченцев. В своем рапорте от 20 июня 1850 г. Слепцов отмечал, что «жители нагорной Малой Чечни, известные под общим названием гехинцев... вместе с абреками и беглыми разных племен, постоянно обнаруживали себя особенно враждебным к нам расположением»⁴⁶.

В 1847 г. на левом фланге Кавказской линии начала распространяться холера, которая, по мнению генерал-лейтенанта Фрейтига, «оказала сильное влияние на чеченцев, поселившихся близ наших крепостей. Волнуемые неприязненными нам горцами и признавая холеру за особенный гнев Божий, они видимо склонны бежать в непокоренную Чечню (Имамат – С.М.), чтобы там по их легковверным понятиям, хотя бы умереть в вере»⁴⁷. Эти настроения горцев не остались незамеченными представителями Имамата. Так, Гехинский наиб Саадулла и кадий Гечеб обратились с воззванием ко всем мусульманам, живущим под покровительством русских, где они от имени имама Шамиля приглашали переселиться в «мусульманский край», т.е. на территорию Имамата, «чтобы спастись в вере истинного бога и сохранить себя от заразной болезни... Мы при помощи Аллаха идем по истинному, указанному нам пророком и

⁴⁴ ПМА. 8 августа 2008 г.

⁴⁵ Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 г. Рига, 1847. С. 102 – 103.

⁴⁶ АКА. Т. X. С. 511.

остаемся напутствуемы добрыми советами известного всем Шайха Газы»⁴⁸.

Таким образом, Гази Зандакский в Малой Чечне пользовался заслуженным авторитетом и среди должностных лиц Имамата, и среди простых горцев. Свою основную миссию Гази видел в религиозных проповедях и наставлениях. В урочище аула Гехи-чу (Гихчу) существовала искусственно возведенная возвышенность (чардакх), с которой шейх обращался к горцам. Он призывал к чистоте ислама, к продолжению сопротивления завоевателям и соблюдению норм шариата, отказу от губительных адатов, будь то кровная месть, воровство, а также греховных деяний (клевета, зависть, злословие). Это место считается священным в Гехичу, позднее там возникло кладбище. Описывая это место, А. Сулейманов в «Топонимии Чечни» отмечал, что «Пезихьяджа был весьма почитаемым человеком, если так долго помнят то место, где он сходил с коня»⁴⁹. Во время одной из проповедей в Гехичу к Гази-Хаджи был подослан наемный лазутчик, которому, по народным преданиям, «обещали пуд золота за убийство шейха». Однако эти планы провалились, возможно, из-за бдительности, в которой религиозные люди усмотрели «божественную прозорливость Гази-Хаджи»⁵⁰.

Идеологическая деятельность и проповеднические призывы Гази-Хаджи в Малой Чечне имели серьезный успех, так как эта область во второй половине 1840-х гг. становится одним из эпицентров освободительной борьбы. Именно сюда прибывала основная часть мухаджиров Центрального и Северо-Западного Кавказа. На территории Имамата они искали спасения от социального и национального гнета со стороны горской феодально-княжеской знати и от русской военной администрации.

Русское командование на Северном Кавказе не сидело сложа руки. Новая военная стратегия наместника князя Воронцова учитывала уроки, извлеченные из тяжелых поражений во время масштабных военных походов (Ичкеринский поход 1842 г., Даргинская экспедиция 1845 г.). Она уже приобрела черты последовательности и систематического характера, где важное место отводилось наряду с военными действиями рубке широких лесных просек и прокладке дорог между укреплениями, казачьей военной колонизации края и усиленной контрпропаганде.

Царское командование решило начать с чеченской равнины, ставшей не только экономической

⁴⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 721. Л. 1.

⁴⁸ Там же. Л. 1 (об).

⁴⁹ Сулейманов А. Топонимия Чечни. С. 396.

базой, но и геостратегической частью всего Имамата. Сюда прибывали горские мухаджиры, готовые участвовать в освободительной борьбе; отсюда планировались военные операции, выходящие за пределы Имамата, и через эти же земли осуществлялись связи с Черкесией – важнейшим очагом освободительного движения на Северо-Западном Кавказе. «Чечня занимала важное стратегическое положение, и там больше думали о наступательной тактике. Долго воевавшие на Кавказе генералы считали Чечню одновременно бастионом Шамиля и его ахиллесовой пятой. На нее приходилась львиная доля поставляющегося во владения Шамиля продовольствия, и отсюда же поступали лучшие бойцы армии имама. Кроме того, Чечня прикрывала «мягкое подбрюшье» Дагестана (хотя этот момент не был должным образом оценен русскими еще целое десятилетие). Лишит имама такой опоры означало больше чем наполовину обеспечить победу над ним... Центральное место в планах Воронцова заняла Малая Чечня, где он в первую очередь решил упрочить пути сообщения между Воздвиженской, новыми станицами и старыми редутами на Сунже»⁵¹.

Первый удар новой стратегии приняла на себя Малая Чечня. Зимой 1845-1846 гг. была прорублена дорога вдоль подошвы Черных гор, от крепости Воздвиженской в Малую Чечню. Летом 1846 г. было заложено укрепление Ачхой на р. Фортанга. В 1847 г. была прорублена просека от крепости Воздвиженская до укрепления Ачхой и по личному указанию Воронцова воздвигнуто новое укрепление – Урус-Мартан в самом сердце Малой Чечни. В начале 1848 г. была завершена почти трехлетняя рубка леса вдоль Гойты и Фортанга. «Просеки и дороги, – отмечал полковник Романовский, – открывая нам во всякое время удобные доступы внутрь непокорных обществ, давали возможность держать их в постоянной от нас зависимости, а укрепления были единственным средством для упрочения нашей власти во вновь присоединяемых частях края, для обеспечения наших пределов, и для облегчения наступательных действий»⁵².

В эти же годы происходил ускоренный процесс казачьей колонизации Малой Чечни. Вдоль р. Сунжи были заложены станицы Вознесенская (на месте чеченского аула Махьмат-Юрт), Сунженская (аул Дибир-Юрт), Ассиновская (орстхойские хутора) и др. «Результатом этих действий было то, что все непокоренные общества Малой Чечни, находившиеся между вновь вырубленными просеками и вновь водворенными поселениями на реке Сунже были вынуждены или изъявить нам покорность, или, бросив свои хлебородные

⁵⁰ ПМА. 8 августа 2008 г.

⁵¹ Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 246.

⁵² Романовский Д.И. Указ. Соч. С. 363.

места, уйти в горы»⁵³.

СЕМЬЯ – ОПОРА ГЕРОЯ

В середине 1850-х гг. Гази Зандакский продолжает свою титаническую религиозную деятельность в родных горах Ичкерии, где в ауле Симсар проживала его семья. Родной очаг шейха никогда не гас, гости из горных и дальних селений, которые приходили за советом и со своими тяжбами, излить душу и укрепить веру всегда встречали здесь радушие и гостеприимство, благодаря Зазе – жене Гази Зандакского. Хадис пророка Мухаммада о том, что «мир этот дается во временное пользование, а лучшим из того, что можно получить в пользование в этом мире, является праведная жена»⁵⁴, очень точно подходил супружеской паре Гази и Зазы. «За каждым великим мужчиной стоит женщина, которая помогает ему, будь то мать или жена», – сказал один из древних мудрецов. Заза была такой женщиной.

Гази, не искавший земных радостей, как будто в награду от Аллаха получил величайшую милость в лице его праведной жены Зазы, которая с искренностью и любовью разделила с мужем и наставником все тяготы войны, сколько раз она поздними ночами готовила трапезу – «сискал-берам» для самых дорогих гостей в доме мужа. Она достойна выдержала и тяготы войны, и потери близких, и годы в изгнании, и «великую хиджру» – переселение мужа. В их праведном семейном гнезде выросли семеро детей: трое сыновей и четверо дочерей. Сыновья – Пир-Магомета, Абумуслим и Мутали и дочери – Жовзанат, Абидат, Нафисат и Теа (Тоита)⁵⁵.

Заслуживает серьезного внимания один трагический факт в семье Гази. Женидьба Абумуслима на красавице по имени Нуреша вызвала ревность одного зандакского юноши. В результате драки сын Гази погиб. Большой и влиятельный род потомков Арзу согласно древним горским традициям имел право отомстить своему кровнику. Однако мстительность и ненависть – это те грубые духовные недуги, против которых настойчиво выступал шейх Гази. При огромном стечении народа на траурной процессии (тезет), где присутствовали шейх Ташев-Хаджи и много других алимов и наибов, Гази произнес речь, которая является великим примером терпения и стойкости духа перед личной трагедией. Он сказал, что произошедшее является приговором Аллаха, и он доволен Его решением: «Призывая людей к примирению

⁵³ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. М., 1863. С. 143.

⁵⁴ Мухаммад аль-Хашими. Личность мусульманина согласно Корану и Сунне. М., 2001. С. 77.

⁵⁵ ПМА. 8 августа 2008 г.

и взаимопрощению во имя Аллаха, последовательно проповедуя каноны шариата, я не имею права проливать кровь ради мести». По одной из существующих версий этого народного предания он даже лично благословил брак между «несчастливым зандакским юношей» и красавицей Нурешой.

Гази-Хаджи поступил в соответствии с канонами ислама: Аллах возвышает тех, «которые сдерживают гнев и прощают людям. Аллах любит совершающих благие деяния». (Коран. 3:134) Когда душа прощает, а сердце милует, это приводит к очищению от тьмы гнева и злобы. Сердце верующего окутывается божественным светом, и наступает внутреннее умиротворение. «Если раб прощает, Аллах обязательно добавляет ему славы, а когда кто-нибудь проявляет смирение ради Аллаха, Аллах обязательно возвышает его». (Хадис) Слава и возвышение, даруемые Аллахом, объединяются между собой и превращаются в чистосердечие, характеризующее собой великодушие и искренность праведника, кого любит Аллах и люди.

После этого геройского поступка Гази-Хаджи в народе прозвали шейхом, «сломавшим хребет шайтану» (Иблисан букъ каггийнар). Именно о таких людях, как Гази-Хаджи Зандакский, средневековый исламский мыслитель Хасан аль-Басри сказал, что истинный мусульманин «не поддается гневу, им не овладевает ярость, его желания не приводят его в возбуждение... Он прощает, когда обижают, и проявляет снисходительность по отношению к невежественному; своей душе он доставляет затруднения, а другим людям он приносит облегчения»⁵⁶.

УЧЕНИЕ НАКШБАНДИ В ГОРАХ ИЛИ «КАВКАЗСКИЙ МЮРИДИЗМ»

Гази-Хаджи был наставником людей, неустанно призывающим к добру и терпимости. Он был праведником, избравшим добровольную бедность в материальной жизни, и великим подвижником в делах духовного воспитания народа. До конца своих дней он был предан заветам своего первого учителя шейха Мухаммада Ярагского, который призывал мусульман в своих страстных проповедях: «Народ! Вы с гордостью называете себя мусульманами, но кто из вас достоин имени правоверных? Не забыли ли вы учение ислама для суеты светской, не отказались ли от Мухаммада и его шариата для богатства и удовольствий земных... Берегитесь! Скоро настанет день, в который не спасут вас ни сокровища, ни друзья, ни дети ваши, – и только тот, кто явится перед Аллахом с чистым сердцем и светлым лицом, будет допущен

⁵⁶ Мухаммад Касими. Наставление верующим. М., 2002. С. 396.

в убежище праведных!»⁵⁷

Мухаммада Ярагского считают идейным основателем «кавказского мюридизма», на самом деле его духовная школа в лезгинском ауле Яраг стала главным очагом новой волны исламизации Северного Кавказа. «Мюридизм, как отмечал Романовский, был искрою, брошенной в порох. Увлекая одних как религиозная секта, других как надежда удовлетворить свою ненависть и избавиться от чужеземного ига, мюридизм, благодаря энергии и способностям людей, стоявших в его главе и вспомоществуемых благоприятными обстоятельствами, в короткое время успел соединить разнородные кавказские племена в один народ, подчинил их одной неограниченной власти главы мюридизма – имама, заставил горцев во многом отказаться от прежнего образа жизни и даже успел обратить некоторые племена, едва знавшие магометанскую веру (ислам – С.М.), в ревностных мусульман».⁵⁸

Термин мюридизм является производным от слова «мурид» («ученик, искатель истины») – так называют последователей суфизма. Суфийское направление накшбанди в первой трети XIX в. широко распространяется на Восточном Кавказе благодаря деятельности шейха-наставника Мухаммада Ярагского. Его учениками и последователями считали себя мюршид Джамалддин Казикумухский, имамы Гази-Мухаммад и Шамиль, чеченские шейхи Ташев-Хаджи и Гази-Хаджи. Все они в той или иной мере стали руководителями и активными участниками движения горцев.

Основоположителем накшбандийского тариката считают бухарского ученого Бахауддина Мухаммада Накшбанди (XIV в.) – крупнейшего представителя мусульманского мистицизма.

Представители накшбанди сыграли важную роль в утверждении ислама в Центральной Азии и на Северном Кавказе. Эта школа с самого начала своего существования стояла на позициях классического ислама. «Ревнителю правоверия» и «преданным хранителям ислама первых веков хиджры»⁵⁹, как часто называли его приверженцев, должны были строго соблюдать нормы шариата и следовать Сунне пророка Мухаммада. «Накшубандийский тарикат означает постоянное занятие лучшими молитвами, то есть воспоминанием Бога. Первые условия этого пути суть следующие: вступающий на него обязан прежде всего вполне повиноваться ниспосланной книге (Корану – С.М.) и последовать пророку, укрепить свои

⁵⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6550. Л. 6 (об.)

⁵⁸ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860. С. 320.

⁵⁹ Гордлевский В.А. Бахауддин Накшбанд Бухарский // Избр. соч. Т. III. М., 1962. С. 386.

убеждения, согласно с мнением последователей пророка, искренно раскаяться в грехах, потом удовлетворить все обиды, просить прощение у обиженных, служить неуклонно на пути Магомеда, строго исполнять шариатские постановления, стараться удалять себя от противного Богу и от всех дурных и низких поступков, происходящих от искушений эгоизма».⁶⁰

Социальная концепция накшбанди отвергала отшельническую жизнь, стяжательство и эксплуатацию рабского труда. Бахауддин считал, что благополучное общество заключается «во взаимном содружестве, основанном на условии: не делать друг другу того, что воспрещено (исламом – С.М.). И если общество людей из тех, что идут к Богу нашим путем, имеет подобное единение – в том его благополучие и счастье, и можно надеяться, что достигшая высокого совершенства истинная вера будет постоянно находиться в среде такой общины».⁶¹

Социальные взгляды Мухаммада Ярагского были более последовательными и прогрессивными. «Мусульманин не может быть ничьим рабом или подданным и никому не должен платить подати, даже мусульманину... Между всеми мусульманами должно быть равенство»⁶². Такая категоричность соответствовала общеполитическим реалиям Восточного Кавказа в начале XIX в., горское население которого было доведено до отчаяния социальным гнетом местных феодалов и военно-колониальными мерами царской России.

Несмотря на приоритет Корана и Сунны, духовная практика накшбандийского тариката включала целый набор психотехнических, религиозных и физических приемов, используемых как в индивидуальных упражнениях, так и в ритуальных коллективных радениях с целью постижения и духовного единения с Аллахом. Наиболее распространенными приемами в накшбанди являются такие, как погружение в себя (мушахада), концентрация внимания (таваджух), определенная поза в коллективной практике (джалса или «хевшина го» – в Подстрочный перевод автора с чеченского «сидение кругом») и формула поминания Аллаха (зикр), которая выступает в качестве стержневого ритуала суфийской практики.

Основой школы накшбанди стал тихий зикр (хафийа), истоки которого восходят к среднеазиатскому мистицизму XII в., известному под названием «хваджаган». Его основоположник Абдаль-Халик Хиджувани

⁶⁰ Казикумухский Д. Адабуль Марзия // Сб. сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 9.

⁶¹ Семенов А. Бухарский шейх Бахауддин // Восточ. сб. в честь А.Н. Веселовского. М., 1914. С. 209 – 210.

⁶² Кавказский сборник. Тифлис, 1902. Т. XXIII. С. 5.

(умер в 1220 г.) считается одним из духовных отцов суфизма в Центральной Азии. Спустя два столетия его взгляды были систематизированы школой накшбанди, что отразилось даже в первоначальном названии «накшбанди-хваджаган». У дагестанских и чеченских суфиев оно интерпретируется посредством эпонима «Хаваж-Бахауддин».

На протяжении многих веков накшбанди расширил свой географический ареал от Центральной Азии до Северной Африки, от Поволжья до Юго-Восточной Азии, от Северного Кавказа до Среднего Востока. Несмотря на то, что в каждом регионе и в каждой эпохе накшбанди имела свои локально-временные различия, все же центральный догмат оставался неизменным – это изречение единобожия (таухид-тахлил) – «ЛаилахИа-иллалахИа» («нет божества, кроме Аллаха»), известная как формула «отрицания – утверждения». По выражению дагестанского шейха Джамалуддина Казикумухского: «когда же язык произносит это... изречение, оно очищается от ржавчины и достигает, в состоянии бдения, до степени богосозерцания»⁶³.

Еще в первые века ислама, когда суфизм не сложился в стройную систему мистического познания, «богосозерцание» считалось одной из высших ступеней поклонения. Так, в описании одной мусульманской беседы сообщается, что ученый Хасан аль-Басри заявил, что «не искренен в своей молитве тот, кто не сносит терпеливо ударов своего Владыки». Его прервал другой ученый по имени Шакык: «Не искренен в своей молитве тот, кто не наслаждается ударами своего Господа». На все это Рабия, мусульманская праведница (VIII в.), ответила, что в «искренней молитве человек, созерцая своего Господа, должен и вовсе забывать его удары»⁶⁴.

Множественность повторений не является главным условием, хотя в Дагестане и Чечне в накшбандийских братствах практикуют ежедневно повторение зикра-тахлила в несколько сот раз. В накшбандийской школе Гази-Хаджи (Пеза – Хьяьжи вирд) принят следующий ритуал: троекратное произношение шахады – свидетельство веры, пятикратное чтение суры «Ихлас» (112-я сура Корана), двадцатикратная мольба о прощении (АстагИфируллахИ – «прошу прощения у Аллаха»), двадцатикратный салават – мольба за пророка и, наконец, стократное повторение зикра-тахлила⁶⁵.

Главное, чтобы произносимое было не механическим повторением, а глубоко осознанным,

⁶³ Казикумухский Д. Указ. соч. С. 17

⁶⁴ Крымский А.Е. Очерк развития суфизма. М., 1896. С. 12 – 13.

⁶⁵ ПМА. Август 2008 г.

способствующим внутреннему освобождению от всех мыслей и полной сосредоточенности на объекте поминания: «Цель зикра в том, чтобы закир (произносящий закир – С.М.) постиг истину слов таухида от проговаривания слов единобожия все, не относящееся к всевышнему Аллаху, полностью исчезает»⁶⁶.

Важное значение имеет система отношений между наставником (муршидом, шейхом, устазом) и учеником (муридом). Главное место в ней занимает наставник, которому ученик беспрекословно подчиняется как единственному проводнику по пути тариката. Для мурида шейх становится авторитетом во всех духовных и светских вопросах. «Знай, что дружба с совершенным шейхом, со всеми ее условиями, а именно: любовью, преданностью, присутствием сердца, убеждением, самопожертвованием, выбором и послушанием, достаточно для отражения вида божьего света в сердцах искателей и для приукрашения их тем светом»⁶⁷. Такие искренние чувства преданности, дружбы и любви в вере испытывал Гази-Хаджи Зандакский к своим духовным наставникам – Мухаммаду Ярагскому и Ташев-Хаджи, под руководством которого углубил свои знания по шариату и тарикату и после его благословения начал их практическое воплощение.

«Три ветви одного дерева» – так называются в народе величайшие духовные наставники Ташев-Хаджи, Гази-Хаджи и Кунта-Хаджи. Последний стал основоположником кадирийского тариката на Северном Кавказе, несомненно, на его духовное становление серьезное влияние оказал Гази-Хаджи. Кунта-Хаджи в своих поучениях с большой любовью и уважением отзывается о Гази-Хаджи⁶⁸.

Усилия на пути ислама и высоконравственный образ жизни Гази стал причиной того, что народ назвал его шейхом и «любимцем Аллаха». Хотя существует предание о том, что он отказался провозгласить свой вирд (суфийское братство), заявив, что для истинного мусульманина должно быть достаточно Аллаха и его посланника. Некоторые информаторы считают, что он сделал это из-за глубокого уважения к своему учителю Ташев-Хаджи. Все же до сих пор в Чечне встречаются мусульмане, которые считают своим устазом Гази-Хаджи. Из его духовной школы вышли известные религиозные деятели Чечни второй половины XIX – начала XX в.: Умалат (Мата) из горного Аллероя, Бердха и Зурум-Хаджи из Симсара (Зурум-Хаджи через год после переселения Гази-Хаджи отправился за ним в Мекку и там похоронен),

⁶⁶ Макамати Хазрати Хваджа Накшбанд

⁶⁷ Казикумухский Д. Абибуль марзия (учение о тарикате) // Сб. сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 20.

⁶⁸ Тарджамат Макалаты Кунташейх. Петровск, 1911. С. 14 – 15.

Абдул-Вахаб из Аксяя, Хесамак-мулла из Чулик-Юрта, Абзат-Хаджи из равнинного Аллероя, Абду-Салам (Салам-мулла) из Алхан-Юрта, Абдул-Рашид из Бено-Юрта, Абдул-Мажид из Бамат-Юрта и его ученик Жуоба – внук Гази-Хаджи Зандакского⁶⁹.

Богатое духовное наследие Гази-Хаджи (религиозные рукописи, трактаты, поучения) практически не дошло до наших дней. Они хранились у Жуоба-шейха Зандакского, и в 1937 г. во время его ареста часть из них была изъята, оставшаяся часть потеряна во время депортации чеченского народа. До сих пор живы очевидцы, которые видели, как из зандакского дома шейха целыми мешками выносили мусульманскую литературу. Вот так варварски уничтожалось духовное сокровище чеченского народа.

ФИНАЛ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

В конце 1856 г. новый главнокомандующий русской армией на Кавказе А. Барятинский начал широкомасштабное наступление на Имамат. В 1857 – 1858 гг. практически вся равнина Чечни была занята царскими войсками. Цитадель горского сопротивления была залита кровью, на плоскостной территории Имамата не было ни одного аула, который бы неоднократно подвергался уничтожению. Вековой лес, природная крепость, горел в пламени пожарищ. «Чечня горит, имам, иди ее тушить», – обращался в отчаянии мужественный наиб, генерал горской артиллерии Талхиг Шалинский. Шамиль прилагал огромные усилия для организации более эффективного сопротивления могущественному противнику, но факт был налицо: более полувековая борьба истощила силы горцев. Один за другим к русским переходили наибы и сподвижники Шамиля, таяли скудные экономические запасы, агитационные меры царского командования были более привлекательными для уставших от войны людей, тогда как пропагандистские усилия Шамиля рисовали апокалипсическую картину.

21 декабря 1858 г. российские войска начали наступление на Ичкерия – «генерал Кемпфорт (6 батальонов пехоты, 2 эскадрона драгун, 11 сотен казаков, 3 сотни милиции и 18 орудий) направился из-под Бердикеля; полковник Чертков (6 батальонов пехоты, 4 сотни казаков и 10 орудий) от Воздвиженской двинулся к Шали, полковник Баженов (4,5 батальона пехоты, 6 горных орудий и милиция) – от укрепления Аргунского в верховья Баса»⁷⁰. До конца декабря к ним подоспели новые подкрепления: 5 батальонов пехоты, 2 сотни казаков с двумя орудиями.

⁶⁹ ПМА. Август 2008 г.

В начале февраля 1859 г. русские войска, неся значительные потери, вышли к Ведено. Шамиль и преданные ему наибы полны были решимости защитить столицу горского государства. Опасаясь больших потерь при открытом штурме, генерал Евдокимов начал непрерывную осаду Ведено. Пространство вокруг селения очищалось от леса, подтягивалась тяжелая артиллерия для обстрела крепостных стен.

Пока Евдокимов осаждал горскую столицу, отвлекающие мероприятия российские войска провели на северо-востоке Чечни. Барон Врангель 2 марта выступил из Буртуная в направлении аула Зандак с отрядом из 6 батальонов пехоты, 2 эскадронов драгун и сотен милиции Дагестанского конно-иррегулярного полка при 6 орудиях. Целями данной военной экспедиции было отвлечь ичкеринских горцев от помощи Ведено, тем самым разъединить фронт горского сопротивления. Врангель был полон стремления «истребить жилища и запасы» горцев, чтобы «побудить неприятеля искать у нас убежища или выселиться далее в лесные тущобы». Подступы к зандакским землям прикрывал укрепленный редут – Зандак-капа (Зандакъ-гIап), расположенный на труднодоступной горе – вершине Гази-махмы (ГIазмахьмин корта), названная так в честь деда Гази-Хаджи.

В первых рядах защитников стоял Гази с братьями. Непосредственно сам «редут защищали чиркеевские беглецы, а отброшенные накануне конница и пехота неприятельские, рассыпавшись по лесу, прикрывали доступы к своим хуторам, – докладывал барон Врангель Сухозанету. – Неприятель готовился держаться, дабы дать своим семействам выбраться в лес из аулов. Для атаки неприятельской позиции я направил с фронта 21-й стрелковый батальон, а командующему Дагестанским конно-иррегулярным полком подполковнику князю Чавчавадзе с 4-мя сотнями приказал обскать редут с фланга и с тыла. Стрелки и всадники мигом овладели укрепленной позицией, причем неприятель оставил на месте 3 изрубленных тела вместе с оружием... Пользуясь общим замешательством неприятеля, я быстро провел колонну через лес и окружил обширную котловину, образовавшуюся в верховьях одного из притоков Ярик-Су (где был расположен аул Симсар – С.М.), на дне которого были разбросаны неприятельские хутора, известные под общим названием Мулла-Хаджи-Юрт (Хьаьжи-кIажа – С.М.), а также и зандакских хуторов. Драгуны, всадники и милиция, спустившись в котловину, зажгли сакли...»⁷¹.

После истребления зандакских хуторов Байтарки, Даттах, Симсар и Моллин-кIажа барон Врангель

⁷⁰ Гапуров Ш.А., Израйилов А.М., Товсултанов Р.А. Чечня на завершающем этапе Кавказской войны. Нальчик, 2007. С. 252.

перешел к Кишень-Ауху, а 8 марта направился к аулу Балансу (Булум-хитIа), в окрестных лесах которого скрывались жители разоренных ауховских и ичкеринских аулов, часть из них, захваченные русскими войсками, были переселены на равнину, другие ушли к Шамилю.

1 апреля 1859 г. ранним утром начался штурм столицы Имамата, к 10 часам вечера Ведено было полностью занято русскими. В этот день в высокогорном ауле Эрсеной состоялся последний съезд Имамата на территории Чечни. Несмотря на то, что Шамиль взывал к национальной гордости и религиозным чувствам чеченцев, результат был налицо – людское и географическое пространство государства катастрофически сужалось.

К 13 мая вся чеченская территория Имамата, за исключением отдельных высокогорных аулов Ичкерии – Беной, Пхачу, Зандак, Байтарки и Симсар была окончательно покорена. Дух сопротивления в этой небольшой части горной Чечни поддерживался благодаря Байсунгуру и Солтамураду Беноевскому и Гази-Хаджи Зандакскому.

После покорения Чечни, которая на протяжении десятилетий оставалась стратегической и экономической опорой Имамата, судьба движения Шамиля была предрешена. «Без Чечни и Ауха Шамиль очутился в остальном Дагестане тесно блокированным, терпящим крайний недостаток в необходимых жизненных продуктах и в постоянном страхе за верность гарнизона, который с каждым днем неизбежно таял, отпадая от безнадежного дела»⁷².

Имам Шамиль, преследуемый русскими войсками и их горскими приспешниками, из числа феодалов и перебежчиков, укрылся с самыми верными соратниками в высокогорном дагестанском ауле Гуниб, которому суждено было стать последним оплотом горского сопротивления. 10 августа 1859 г. под руководством главнокомандующего Кавказской армией Барятинского началась блокада Гуниба царскими войсками, которые имели 150-кратное превосходство над защитниками крепости, к тому же истощенных голодом и обессиленных от тяжелых потерь. Несколько штурмов горцам удалось отразить, но силы таяли. По словам очевидца, имамского секретаря Гаджи Али, «пули сверху и снизу поливались как град». Великий сын Кавказа и лев ислама, отец-основатель «теократической державы» и «грозный повелитель гор», как его характеризовали русские авторы, имам Шамиль, на теле которого было 22 ранения, которого ни один горец

⁷¹ АКАК. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 1132.

не мог обвинить в трусости и малодушии, готов был героически погибнуть. «Шамиль уже приготовился защищаться, положив перед собой шашку и заткнув полы за пояс, – вспоминал преданный имаму секретарь Гаджи Али. – Он решил умереть». «Я хочу сражаться и умереть в этот день», – произнес Шамиль. Но судьба, предначертанная Всевышним Аллахом, распорядилась иначе, и 25 августа 1859 г. Шамиль сдался в плен.

Закончилась целая эпоха, героическая и трагическая, светлая и грозная. «Война не рождает сыновей, она их убивает», – гласит чеченская мудрость. Тысячи и тысячи могил и холмиков появилось в горах Кавказа, сотни сожженных и разрушенных аулов, а слезы детей и матерей... А раны, незаживающие раны на человеческих сердцах? Их никто не считал и уже никогда не будет считать. Человек научился хорошо считать только деньги, а судьбы людские, видимо, не поддаются статистическому измерению. На Кавказскую армию Российская империя направляла 17% государственного бюджета. Служивший на Кавказе Николай Бирон писал, что «...в 50 лет его занятия (с 1797 по 1847 гг. – авт.) Кавказ стоил столько, что всю его поверхность можно было покрыть серебряными рублями»⁷³.

«Къонах (герой) познается в тяжелое время», – гласит народная мудрость. Эти слова о таких героях, как имам Шамиль и его преданных соратниках. Сдача в плен имама... Сколько противоречивых оценок и суждений высказано по этому вопросу в разные времена.

До сих пор этот шаг Шамиля вызывает дискуссию среди ученых и эмоции среди обывателей. Шамиль поистине был героем среди героев. Сын простого узденя, ставшего собирателем горских народов, он стал величайшим реформатором социальной, политической, духовной и правовой жизни горского общества, и все это в условиях тяжелейшей войны против одной из самых сильных военных держав того времени. Шамиль был истинным сыном Кавказа, верным идеалам ислама и делу независимости Отечества, который 30 лет достойно сражался с врагом и до конца своих дней носил на своем теле двадцать два боевых ранения. У него были промахи и ошибки, которым есть объяснение с точки зрения реальной обстановки и человеческой логики. Он не был страстным поборником войны и кровопролития, жестокая реальность в конце 1820-гг. вложила в Гимринской мечети в его руки меч газавата.

Мужество героя заключается не только в умении воевать, но и в способности устанавливать мир.

⁷³ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842 – 1867). СПб., 1879. С. 316

Народ устал, горские общества одно за другим приносили присягу на верность царским завоевателям, большинство набов перебежали на сторону противника, который щедро раздавал чины и богатства, чем «брали в плен души людей и порабощали свободных»⁷⁴.

Сопrotивление в Гунибе было либо последней надеждой на счастливый поворот, либо отчаянной попыткой принять мученическую смерть. Чудо не произошло, но героизм защитников был невероятным. Небольшие группы мюридов, охранявшие подступы к вершине Гуниба, погибли, часть защитников оказалась в плотном кольце противника. И даже тогда горские смельчаки «ринулись со скал на растянувшихся ширванцев, сделали по выстрелу из всего наличного оружия и пошли в рукопашную, в этой отчаянной и смертной схватке они били наших прикладами ружей, переломали их, принялись за шашки и кинжалы и погибли до последнего на штыках озлобленных солдат. Некоторые выбирали другую смерть – с шашкой и кинжалом в руках они бросались с обрыва и разбивались... Здесь дрались и русские мюриды, но, к несчастью, из них 8 человек были взяты живыми»⁷⁵.

Окруженный в беззащитном ауле, где люди обессилели от голода и лишений, не имевший уже ни армии, ни государства, видя полную безвыходность положения, Шамиль принял правильное решение – сдаться на милость врагу. «Я сдался тогда, – скажет он позже, – когда народ в горах стал есть траву». Это и есть суровая правда войны.

Шамиль был лидером освободительного движения, главой государства и имамом правоверных; когда это движение в силу внутренних и внешних факторов пришло к логическому закату, государство пало под тотальным наступлением сильного противника, а правоверные мусульмане безмерно устали от тягот войны, Шамиль не бросился в отчаянной схватке на верную гибель, а принял самое тяжелое в своей жизни решение. Достаточно вспомнить, с какой просьбой он обратился к врагу, когда согласился покориться. Он попросил, чтобы убрали с дороги отряды из мусульман-перебежчиков и их отвели за русские батальоны.

Сдача Шамиля сохранила не только жизнь тысячам и тысячам горцам и русским, но этот шаг, возможно, стал одной из причин, благодаря которым чеченцы и дагестанцы сохранили за собой право жить на своих исторических землях. Это становится понятным, если взглянуть на трагическую участь,

⁷³ Рамазанов Х.Х. Эпоха Шамиля. Махачкала, 2003. С. 123.

⁷⁴ Хроника Мухаммеда Тахира аль-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М.Л., 1941. С. 193.

⁷⁵ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. С. 479 – 480.

постигшую адыгов Северо-Западного Кавказа в финале Кавказской войны.

Наследие Шамиля осталось жить в веках. Ислам стал цементирующим и культуuroобразующим фактором в судьбах народов Чечни и Дагестана. Идеология сопротивления и дух смирения в экстремальных условиях как противоположные и вместе с тем взаимодополняемые начала навсегда были вплетены в этнические судьбы Северного Кавказа.

Шейх Кунта-Хаджи Киши стал олицетворением духа смирения, многие его идеи о ненасильственном, духовно-психологическом сопротивлении иноверной и чуждой власти и об отказе от вооруженной борьбы до сих пор не до конца осмыслены. Его друг и учитель Гази-Хаджи Зандакский в вопросах политических представлял другую линию – идеологию сопротивления активными формами до тех пор, пока не восторжествуют в общественной и духовной жизни нормы ислама и пока страна мусульман не будет освобождена от иноверного господства.

И даже пленение Шамиля не заставило его отказаться от этой идеологии. У него были сторонники – известные в прошлом военные и духовные деятели Имамата Байсунгур Беноевский (наиб) и Солтамурад Беноевский (мазун) в Ичкерии, Ума Дзумсоевский (Дуи Гумма) (наиб) и Атабай Атаев (мудир) в верховьях Аргуна.

Завоевание Северо-Восточного Кавказа неминуемо должно было привести к установлению новых порядков со стороны царских властей. В 1859 г. русское военное командование во главе с князем Барятинским от имени «Государя-Императора» обнародовало «Прокламацию к чеченскому народу» на арабском и русском языках, которая стала небезуспешной агитационной попыткой привлечь на свою сторону горцев. В ней было обещано, что чеченцы «совершенно свободно» могут исповедовать свою веру, что они будут управляться по шариату и адату, а расправы будут отправляться в народных судах и «что права каждого из вас на принадлежащее вам имущество будут неприкосновенны. Земли ваши, которыми вы владеете или которыми наделены русским начальством, будут утверждены за вами в неотъемлемое владение ваше»⁷⁶.

Многие чеченцы наивно ухватились за эти демагогические прокламации и даже прибавляли от себя льготы, якобы обещанные русским царем. На практике же социально-экономическое положение горцев

⁷⁶ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. I. С. 118 – 119.

ухудшилось. Ранее отобранную землю не возвратили. За счет чеченских земель был создан огромный колониционный земельный фонд для раздачи генералам и чиновникам, казакам и горским верхам, верно служившим «новым хозяевам». Острота земельного вопроса среди чеченцев не осталась незамеченной даже русскими авторами того времени. Так, историк Е. Максимов отмечал: «Масса фактов, показывающих всю неустойчивость земельных владений туземцев (чеченцев – С.М.), несмотря на наши обещания о сохранении за ними прежних земель, убеждала их в невозможности восстановить права на землю»⁷⁷.

Учрежденная новая судебная система была направлена против влияния ислама и подрывала авторитет мусульманских алимов, которые исторически выполняли роль духовных наставников и судей в тяжбах между горцами. В горских словесных судах председателями являлись царские чиновники, а заседателями, как правило, их приспешники из горской верхушки.

В специальной инструкции для окружных начальников Левого крыла Кавказской линии, к которой относились Чечня и Дагестан, утвержденной генералом-фельдмаршалом Барятинским 23 марта 1860 г., определялись основные принципы и порядок управления горскими народами, права и обязанности должностных лиц. Введенные Барятинским «военно-народные» правления носили преимущественно полицейский характер и предоставляли неограниченную власть начальникам областей, округов и даже участков над вверенным горским населением. Царские военачальники, управлявшие горцами, в основном состояли из их прежних военных противников.

По замечанию российского чиновника Н.М. Рейнке, «сущность системы военно-народного управления состояла в том, что в покоренных землях управление вверялось военачальникам с привлечением к участию, как в низшей администрации, так и в суде, местного, отчасти выборного элемента. Дальнейшее развитие военно-народного управления с входящей в его состав судебной частью последовало не в законодательном, а в инструкционном порядке, и притом с постепенным ограничением участия в нем народного элемента. Под напором завоевателей, носителей новых идеалов, происходил сдвиг не только прежних верований, но и самих народных масс. При таких обстоятельствах не время было законодательствовать. Порядок административной регламентации, как более гибкой, представлялся более

⁷⁷ Там же. С. 124.

целесообразным. Местному населению не дано было право самоуправления»⁷⁸.

ВОССТАНИЕ ГОРНОЙ ЧЕЧНИ. РЕПРЕССИИ

Самой пострадавшей в период Кавказской войны и ущемленной новыми порядками русских властей частью чеченского общества стали горцы. Уничтожение мелких аулов, хуторов, отселков, расположенных в горной и горно-лесистой Чечне – Ичкерии и Аргунском округе, вызывало острое недовольство у горцев. В одной только Ичкерии 16 аулов и десятки горных хуторов были истреблены. Миграционная политика по переселению горцев с насиженных мест натолкнулась на героическое сопротивление жителей Горной Чечни.

Высшая власть Российской империи отдавала себе отчет о том, что пленение Шамиля и военная победа не решила задачу полного подчинения края. Александр II в 1860 г. писал наместнику Кавказа: «Управление горцами должно стать главной задачей текущего момента, надобно смотреть на управление горцами как на продолжение их покорения»⁷⁹.

«Продолжение покорения» на деле означало строительство военных укреплений, казачью колонизацию региона, насильственное переселение горцев с плодородных земель. Имперское правительство даже после официального завершения Кавказской войны, которая стоила стране десятки лет человеческих жертв и материальных усилий, так и не выработала эффективную концепцию социальной и экономической стабилизации положения на Северном Кавказе. Лучше всего это осознавали дальновидные представители Кавказской военной администрации. Так, Г.Д. Орбелиани, находясь на должности командующего Кавказской армией, в 1861 г. писал военному министру Д.А. Милютину: «Война, продолжавшаяся на Северном Кавказе в течение десятков лет, не позволяла нам серьезно заняться устройством материального быта туземцев; мы разрушили старый порядок владения землями, но не могли еще создать никакого нового порядка. Затем, по требованию военных обстоятельств, из земель, указанных туземцами, мы отнимали часть под казачьи поселения или укрепления и раз поселенных на новых местах, по требованию этих же обстоятельств, снова переселяли, и иногда по несколько раз, с места на место; но и при этом новом поселении земли указывались туземцами только в примерном количестве и для временного пользования. Этот порядок дел, по необходимости продолжавшийся многие годы, никак не мог развить в

⁷⁸ Цит. по: Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX в. М., 2002. С. 22-23.

туземцах оседлости, а напротив, он поселял к правительству недоверие, заставлял каждого быть в постоянном опасении за будущее и явно вел к тому, что никто не хотел развивать своего хозяйства и употреблять на возделывание земли особенный труд, а тем более расходовать на этот предмет капитал, ежели таковой у кого и водился. Этим недостатком обеспеченности прав на землю следует объяснять ту быстроту и легкость, с которой целые аулы, а иногда и целые общества бросали указанные им земли и убегали в горы, чтобы усилить число враждовавших с нами»⁸⁰.

Лишения войны и физическое истощение, тяжелое экономическое положение и морально-духовная подавленность – все это переносили горцы, но с потерей отчизны, родных гор они не готовы были смириться. Представители русской военной власти доносили, что «в ночь с 7-го на 8-е мая 1860 г. 50 беноевских семейств, переселенных в аул Даттых и поселенных у нефтяных колодцев, внезапно оставили эти места и ушли снова в Беной»⁸¹.

Так началось восстание в горах, известное в чеченской историографии как «народные восстания» и «народные (крестьянские) движения в 60-х гг. XIX в.». Эти названия с научной точки зрения не корректны. Во-первых, восстания не носили общечеченского характера, а были локализованы в горной части Чечни, во-вторых, социальный состав повстанцев не был однородным. Силы повстанцев включали и простых крестьян, и представителей мусульманского духовенства, и представителей бывшей военной верхушки Имамата. Правильнее будет назвать эти события антиколониальным восстанием Горной Чечни. Свое острие повстанцы направили против античеловеческих миграционных мер военных властей. Своей борьбой, несмотря на поражение повстанцев, горные чеченцы защитили свое священное право – жить на родной земле.

Объективную характеристику причин войны дал военный историк А. Берже: «В течение продолжительной войны против них мы отняли у них много земли... где находятся леса и другие естественные преграды, чеченцы остались и доселе. Они владели всеми лесистыми ущельями Черных гор, имеющими значение крепостей и опирающиеся на горные трущобы округов Аргунского и Ичкерийского, и через них входит в непосредственную связь с Дагестаном... Евдокимов такое положение считал опасным и

⁷⁹ Ибрагимова З.Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. М., 2006. С. 15

⁸⁰ Там же. С. 133

предложил отделить ее от гор линией наших станиц и укрепленных штаб-квартир, расположенных у выходов в ущелье Черных гор, полагал часть чеченцев и карабулаков переселить в Малую Кабарду, жители которой в то время изъявили желание переселиться в Турцию, впоследствии этих предложений в 1860 году поселены были в предгорьях Малой Чечни станицы 2-го Владикавказского полка... Чеченцы поняли к чему клонились эти меры и решились им противодействовать силою; произошло восстание в Ичкерии и Аргунском округе»⁸².

В начале июня 1860 г. царские власти двинули войска против беноевцев, согнанных с насиженных мест, лишенных средств существования и расселенных в другие горные селения. 16 батальонов пехоты, 1000 всадников Терского и Дагестанского иррегулярных полков, 900 милиционеров с артиллерией были задействованы в подавлении антиколониального протеста горных чеченцев. Военное руководство повстанцев Ичкерии взяли на себя Байсунгур Беноевский и его друг Солтамурад, а духовное руководство возглавил Гази-Хаджи Зандакский, которого повстанцы признали своим имамом. «В Аргунском округе поднял знамя восстания бывший шароевский наиб Ума Дуев, к которому начали стекаться со всех сторон недовольные новыми порядками»⁸³. К нему присоединился выдающийся исламский ученый и политический деятель Чечни XIX в. Атабай Атаев, который до начала восстания занимал должность окружного кадия.

До конца июня выступление беноевцев поддержали жители Центороя, Энгеноя, Гендергена, Зандака, Даттаха, Байтарки и Симсара. Ичкеринцы горячо откликнулись на духовное воззвание зандакского шейха. Восстание грозило охватить всю Ичкерию. В начале января 1861 г. против восставших выступили войска под командованием генерал-майора, начальника Чеченского округа М. Кундухова, который отмечал, что «беноевцы, за исключением нескольких человек, все решили умереть». Ему было приказано разгромить беноевцев, захватить Байсунгура, выселить на плоскость жителей аула Энгеной, а другие аулы верхней Ичкерии разорить и жителей расселить по соседним крупным аулам⁸⁴.

Жестокость и произвол властей явились питательной средой для возрастания антироссийских,

⁸¹ Исаев С.А. Из исторической классовой борьбы в Чечне в 60 – 70е годы XIX в. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. IX. Вып. 1. Грозный, 1976. С. 154

⁸² Цит. по: Ахмадов Ш.Б., Ахмадов Я.З., Асталов В.А., Хасбулатов А.И. История Чечни (XIX век). Грозный, 2006. С. 278-279

антиколониальных настроений горцев. Повстанцы укрыли свои семьи в горных тущобах и, прекрасно понимая, что противостоять хорошо вооруженным регулярным частям и иррегулярным соединениям из казаков и горцев не хватит ни сил, ни средств, решили действовать мелкими группами, устраивая засады и внезапно нападая на колонны в труднопроходимых местах.

Эта тактика имела ограниченный успех. В конце июля повстанцы во главе с Байсунгуром и Солтамурадом появились в окрестностях Ведено. Под огнем крепостных пушек повстанцы отошли к Гамар-Дук, а в начале августа – к Дышни-Ведено. Руководители повстанческого движения в Ичкерии понимали, что овладение Ведено и Эрсеном, расположенными у выхода из ущелий Черных гор, дало возможность объединиться с повстанцами Аргунского ущелья и совместными силами пробиваться на равнинную Чечню. Однако последние два года российское военное командование в разных частях Чечни воздвигло целый ряд инженерных коммуникаций у военных укреплений, что крайне затруднило не только объединение повстанцев, но и тесные контакты различных чеченских этнотерриториальных обществ.

В сентябре того же года в сражении в районе древнего пограничного беноевского поселения Пхачу в густом лесном массиве внезапным нападением повстанческий отряд во главе с Солтамурадом Беноевским заставил противника с большими потерями отступить. В этом сражении активное участие принимали Гази и его братья.

А еще раньше, в августе Дагестанский пехотный полк, направившись из Буртуная (Дагестан), достиг аула Саясан (Ичкерия), жители которого «не внушали войскам доверия». В одной из русских военных хроник XIX в. подробно, шаг за шагом, день за днем описываются события, связанные с походом Дагестанского пехотного полка⁸⁵ в горы для подавления восстания и наказания горцев. «2-го августа, с утра была выслана колонна для рубки леса, и войска, расположившись на указанных им местах, приступили к работе. Командир 2-го батальона Дагестанского полка майор Добржанский, переходя незначительное пространство, разделявшее расположение одной роты от другой, был внезапно поражен выстрелом из пистолета и ударом кинжала... Люди бросились на выручку своего командира, но застали только труп его; горец же скрылся в лесу. Обстоятельство это произвело весьма невыгодное впечатление на войска,

⁸³ Боевая летопись 82го пехотного Дагестанского полка во время Кавказской войны (1845 – 1861 гг.). Тифлис, 1897. С. 341.

⁸⁴ Очерки истории... С. 126.

остававшиеся в совершенной неизвестности как о численности своего врага, так и о месте его расположения. Все окружающее пространство было такого свойства, что на каждом шагу приходилось ожидать спрятавшегося за кустом или за деревом горца, который, избрав свою жертву, безнаказанно мог нанести ей удар»⁸⁶.

Вот такое состояние ужаса охватило царских офицеров, непосредственных участников похода. Им казалось, что даже сама природа и пространство враждебно настроены к ним. «Вообще положение отряда под Саясаном было крайне неудобное. Окрестные высоты, покрытые лесом, командовали позицией, а близость от лагеря аула, в дружелюбном расположении жителей которого никто не был уверен, давало возможность неприятелю следить за нашими движениями... Все эти обстоятельства, а может быть еще другие соображения, понудили командовавшего отрядом полковника Клингера собрать вечером 4-го августа всех наличных штабных офицеров отряда для совещания, на котором и решили отступить из Саясана»⁸⁷. Непрерывные беспокойства горцев, внезапные нападения и явно выраженная антипатия жителей Ичкерии к завоевателям вынуждало их на время прекращать начатые колонизационные мероприятия.

Массовые переселения аулов, колонизация лучших земель, строительство укреплений, дорого обходившийся режим военно-административной системы управления, принудительные работы в разработке дорог и прорубке лесных просек и разные поборы были направлены далеко не для улучшения положения новых подданных Российской империи, хотя официально и заявлялось о введении «между жителями правильной и сообразной с потребностями народа администрации». Все эти меры были призваны для облегчения военно-полицейского надзора за горцами со стороны царских властей и улучшения социального положения представителей горских верхов за счет «экономического грабежа» рядовых горцев, так как первые оказались важнейшей социальной опорой российской колониальной администрации в окончательном покорении Северного Кавказа. О роли горских верхов в подавлении повстанцев Горной Чечни начальник Терской области князь Святополк-Мирский отмечал, что «эти последние меры более

⁸⁵ Дагестанский пехотный полк был назван так не по составу участников, а по месту постоянной дислокации.

⁸⁶ Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского полка во время Кавказской войны (1845-1861 гг.). Тифлис, 1897. С. 343.

⁸⁷ Там же. С. 344 – 345.

способствовали нашим успехам, чем сила нашего оружия»⁸⁸.

Карательные действия военных отрядов были направлены не только против непосредственных участников восстания, но также проводились с целью нанесения максимального хозяйственного урона горцам. Так, 24 ноября 1860 г. помощник командующего войсками в Терской области предписал полковнику Кашееву «делать набеги на зимовья беноевцев в видах поимки непокорных жителей и истребления заготовленных запасов. С этой целью в ночь с 1-го на 2-е декабря послана была колонна к истокам р. Аксая, которая разорила там неприятельские хутора и загоны и возвратилась обратно в лагерь»⁸⁹. Результатом таких карательных рейдов, которые авторы хроники, не стесняясь, называют набегами, стало разорение наскоро устроенных хуторов, истребление запасов сена или хлеба и захват скота, который беноевцы не успевали угонять в горы.

Другим важнейшим центром восстания в Ичкерии после Беноя являлись зандакские поселения, где дух неповиновения завоевателям поддерживал Гази-Хаджи Зандакский, окруженный своими верными муридами: Умалатом из Аллероя, Ясамби из энгеноевского общества, Зурум-Хаджи и Бердха из Симсара, а также младшим братом Гази-Хаджи Алдамом⁹⁰.

Надев пояс газавата в старинной зандакской мечети почти 30 лет назад, Гази дал обет Всевышнему Аллаху в присутствии своего учителя Ташев-Хаджи и отца Арзу не снимать его до тех пор, пока не освободит родину от иноверцев. Этому обету он и его соратники Байсунгур и Солтамурад оказались верны и даже после сдачи в плен Шамиля. («Гъазотан юкъ ца йаьстича, махкаха ваьккхира Беза-шайх», – так скажут потомки.)

О действиях царских отрядов в районе зандакских аулов в военной хронике отмечалось, что «спустя несколько дней (в начале декабря 1860 г. – С.М.) новая колонна сделала набег к аулу Сымсыр, принимавшему явное участие в возмущении, так как среди жителей его появился проповедник Гази, называвший себя имамом»⁹¹. Главной целью военного рейда в этой части Ичкерии была поимка Гази-Хаджи, духовный авторитет которого признавали даже те горцы, которые находились на царской службе.

⁸⁸ Очерки истории... С. 127.

⁸⁹ Боевая летопись... С. 347.

⁹⁰ Алдам был отцом будущего имама Алибека-Хаджи, который станет руководителем последнего самого крупного антиколониального восстания в Российской империи.

⁹¹ Боевая летопись... С. 347 – 348.

Существует предание, что генерал Муса Кундухов после тайных встреч с шейхом из Зандака пришел к решению уйти из царской службы.

Гази-Хаджи с небольшим отрядом повстанцев укрепился в нижней части Симсара, своего младшего сына, 12-летнего Мутали он направил в беноевские леса с важным поручением – призывом о военной поддержке. Непродолжительный бой повстанцев в урочище ЖагI-лерге («Гравийное ушко») продемонстрировал твердость горцев отстоять своего духовного учителя. Потери были с обеих сторон. Царские карательные силы взяли «11 человек аманатов (заложников – С.М.), в том числе сына Гази, Пир-Магомета, который был схвачен... сам Гази успел спастись от преследования»⁹². Отряд Солтамурада, двигавшийся на подмогу зандакским повстанцам, остановился на полпути, так как согласно преданию «зикра Гази-Хаджи был слышен на хребте Атай-корта»⁹³. Здесь в пещерах близ Щечу-Юме (Красное озеро) он длительное время скрывался от преследования.

Повстанческие отряды во главе с Байсунгуром и Солтамурадом под давлением превосходящих сил противника отступали все дальше в горные ущелья. Власти жесточайшим образом расправлялись с целыми сельскими обществами не только за участие в восстании, но и за малейшее подозрение в сочувствии повстанцам. В 20-х числах января 1861 г. «большая часть волновавшихся жителей, лишенная последних своих приютов и всех почти запасов, принуждена была, наконец, изъявить нам полную покорность», – отмечалось в военной хронике⁹⁴.

Десятки аулов и хуторов Горной Чечни были ликвидированы, часть их жителей расселена по поселениям Ичкеринского округа. 1218 человек беноевского общества были переселены в равнинные селения Чечни. Таким образом, объединенные силы войск Терской и Дагестанской областей и иррегулярные казачьи и горские соединения зимой 1861 г. полностью подавили восстание в Ичкерии. Военный руководитель (баьчча) восстания в Ичкерии Байсунгур, прозванный еще Шамилем «человеком-камнем», 17 февраля 1861 г. со своим семейством и некоторыми боевыми соратниками был окружен и после боя в глухом горном ущелье захвачен в плен. Военно-полевой суд приговорил его к смертной казни через повешение. Его семья и сыновья Олхазур и Тахир вместе с группой участников восстания были

⁹² Там же... С. 348.

⁹³ ПМА от 16.08.08.

⁹⁴ Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского полка во время Кавказской войны (1845-1861 гг.). Тифлис, 1897. С. 348.

сосланы в Сибирь. Беноевскому предводителю Солтамураду удалось ускользнуть от врага⁹⁵.

Другим важнейшим очагом повстанческого движения в Горной Чечне являлся Аргунский округ. Во главе повстанцев стояли Ума Дуев-Дзумсоевский и Атабай Атаев-Харсеноевский. Ума Дуев, бывший наиб Шамиля в дзумсоевском обществе, которого сам имам считал по военным дарованиям и стойкости духа «равным силе половины его армии». Высокая оценка деятельности Умы Дуева дается в малоизвестной мусульманской хронике дагестанского автора XIX в. Абдуразака Согратлинского, который отмечал, что «Ума показал себя настоящим царем – владыкой во время боев, человеком столь надежным для участников газавата, словно он – самый настоящий замок; личностью, обладающей твердой рукой в сражениях и войнах»⁹⁶.

Другой лидер аргунских повстанцев Атабай Атаев, известный также как Атаби-мулла Харсеноевский, в период существования Имамата занимал важные государственные и религиозные должности. Его называли одним из крупных мусульманских алимов Чечни, «известным ученым и одновременно величайшим поэтом»⁹⁷. Полковник Туманов, командовавший карательными войсками при подавлении повстанческого движения в верховьях Аргуна, давая характеристику Атабаю, отмечал: «Все утверждают, что он человек, хотя болезненный, но весьма умный».

К осени 1861 г. новый начальник Терской области князь Д.И. Святополк-Мирский, который не особо рад был своему назначению, что явствует из его письма к Д.А. Милютину: «Известие это сильно меня огорчило. Войска расстроены, ничего, что могло успокоить народонаселение и обещать ему сносную будущность, нет. Доверие к нам жителей невероятно уничтожено. Беспорядок повсеместно во всем»⁹⁸, организовал большую военную экспедицию против повстанцев Аргунского ущелья. В экспедиции были задействованы значительные военные силы, состоявшие из 15 батальонов пехоты, 7 сотен казаков, 10 сотен Терского и Дагестанского конно-иррегулярных полков, 9 сотен постоянной милиции, 1 дивизиона драгун и до 3 дивизионов артиллерии.

Несмотря на жестокие карательные действия военных сил, подавить повстанческое движение

⁹⁵ Хожаев Д. Чеченский волк – Солтамурад Беноевский. Грозный, 1993. С 31.

⁹⁶ Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 г. (материалы) / сост. Т.М. Айтберов, Ю.У. Дадаев, Х.А. Омаров. Махачкала, 2001. Кн. 1. С. 191.

⁹⁷ Там же. С. 191.

⁹⁸ ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 169. К. 74. Д. 53. Л. 4.

удалось не сразу. Летом – осенью 1861 г. военные источники сообщали, что горские повстанцы нападают отдельными отрядами во главе с Умой и Атабаем, которые «искусно укрывались от преследования наших войск, и каждый из них имел довольно значительную партию сообщников»⁹⁹. В этом восстании проявился героический военный талант молодого соратника Атабая – Вары Атагинского¹⁰⁰.

Масштабы повстанческого движения расширились, охватив ряд селений соседнего Андийского округа Дагестанской области. Здесь движение возглавил житель аварского общества Ункратль Каракул-Магома, который неоднократно наносил ощутимые удары по царским силам. Его попытки прорваться к повстанцам Аргунского ущелья вызвали серьезный переполох царских властей. Орбелиани в своем донесении от 10 августа 1861 г. в Петербург писал: «Соединение Каракул-Магомы, Умы и Атаби может развить пламя восстания на всем пространстве гор от Койсу до Гехи»¹⁰¹.

Планам объединения горских повстанцев Чечни и Дагестана военное командование решило нанести серьезный удар. Генерал Лазарев направил на Андийский хребет 4 сотни регулярной милиции и 18 сотен ополчения, за которыми двигался дивизион Дагестанского конно-иррегулярного полка и третий батальон пехоты при 4 горных орудиях. Узнав о продвижении колонны Лазарева и его планах противодействия консолидации повстанцев, Ума Дуев со своим отрядом решительно выступил навстречу противнику, который имел многократное численное и военное превосходство. Цель похода Умы – не дать заблокировать неприятелю дорогу, ведущую из Горного Дагестана в Горную Чечню через Андийский хребет. На подступах к хребту между отрядом «старого волка» Умы и авангардом военной колонны завязался бой. Все же, несмотря на героическое сражение повстанцев, Андийский хребет был занят войсками Лазарева.

Военная группировка Лазарева, укрепившись на пути сообщения между Андийским и Аргунским округом, ликвидировала всякую возможность соединения чеченских и дагестанских повстанцев против карательных войск. Эту победу царские власти считали для себя в высшей степени важной. Она принесла не только военный успех, но должна была «уронить дух и предприимчивость Умы и Атаби, а также

⁹⁹ Боевая летопись... С. 353.

¹⁰⁰ Вара Атагинский – выдающаяся историческая личность, участник Кавказской войны и двух восстаний 1860-х гг. (антиколониального восстания Горной Чечни 1860-1861 гг., восстания мюридов Кунта-Хаджи 1864 г.)

¹⁰¹ Исаев С.А. Восстание чеченских крестьян Аргунского округа в 1860-1861 гг. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1977. Т. XI. С. 64.

облегчить действия управляющего Терской областью против этих предводителей»¹⁰².

В середине октября горцы Харсеновского, Шароевского и Шатоевского обществ сделали попытку захватить центр Аргунского округа – крепость Шатой, военному гарнизону которого был нанесен ощутимый удар. В ноябре антиколониальное восстание в Аргунском округе достигло своего апогея. Военное командование усиливало карательные меры, подтянув в горы к концу ноября дополнительные силы в составе 4-х батальонов пехоты, 5 сотен чеченской милиции и 6 сотен казаков. В письме от 1 декабря 1860 г., адресованном Кемпферту, Кундухов сообщал, что по его приказанию князем Тумановым уничтожены аулы «Сюроты, Харсеновские и другие окрестные, под разными названиями существующие, и, таким образом, до Аргунских аулов не осталось ни одной сакли». Судя по письмам Кундухова, все население Харсеновских аулов им было поголовно переселено из гор в Малую Чечню, а «сакли и сено предал огню, и переселение окончено превосходно... Все постройки как в аулах, так и в хуторах сожжены до основания, сено не только в аулах, но даже на самых вершинах гор истреблено огнем, чему жители сами удивлялись, увидев, что в неприступных трущобах и на высотах сено горело»¹⁰³.

Особенно тяжелым для чеченцев было переселение, предпринятое в декабре 1860 г., во время сильных морозов. 120 семей горцев, не имевших возможности укрыться в лесу зимой, были переселены в течение двух дней на плоскость, а их жилища разорены войсками. Всего Кундухов переселил на плоскость 177 чеченских семей. Эти меры существенным образом ослабили горных чеченцев.

14 ноября 1861 г. Атабай Атаев добровольно явился в укрепление Шатой и сдался командиру чеченского иррегулярного дивизиона полковнику Вагапу Адуеву. Окруженный со всех сторон военными отрядами, которые, продвигаясь в горные урочища, успели занять вершины и ущелья Дзумсоевского хребта, лишившийся своих приверженцев, 14 декабря 1861 г. явился к князю Святополку-Мирскому и Ума Дуев. По свидетельству князя, Ума отличался «замечательными духовными качествами и способностями». Широкою известность и народные симпатии он приобрел «смелостью своею, а особенно честностью и прямодушием», что вынужден был признать даже главнокомандующий Кавказской армией. Мусульманский горский автор, его современник, лаконично напишет о его исторической роли: «История жизни хаджи Уммы Зумсоевского, имя его, останутся навсегда в памяти и аристократии, и простого народа.

¹⁰² Там же. С. 64.

Будут они вспоминать его вплоть до конца света!»¹⁰⁴

Таким образом, к середине 1861 г. восстание горцев Аргунского округа было подавлено окончательно. Осознав бессмысленность дальнейших действий, во избежание гонений и репрессий против простых горцев и не желая быть втянутым во внутричеченское противостояние, чему активно способствовало военное командование, лидеры повстанцев приняли решение о добровольной сдаче начальнику Терской области. Масса горцев была выселена в равнинную Чечню, а руководители и многие активные участники восстания сосланы в разные губернии России: Ума Дуев – в Смоленск, Атабай Атаев – в город Порхов Псковской губернии. Только один из военных командиров аргунских повстанцев отказался сложить оружие – Вара Атагинский.

Восстание Горной Чечни (Ичкерии, Аргунского верховья) стало реакцией на новые порядки завоевателей после Кавказской войны. Оно продемонстрировало решимость горных чеченцев отстаивать свое право – жить в горных районах. Несмотря на поражение, тяжелые экзекуции и репрессии, выразившиеся в наказании руководителей, ссылке в Сибирь, ликвидации горных аулов и переселении горцев на равнину, не прошло и двух десятков лет, как ичкеринские и аргунские переселенцы вновь вернулись в родные горы и ущелья, восстановив свои родовые гнезда.

Байсунгура повесили на церковной площади Хасав-Юрта, Солтамурад и Вара ушли от преследований, Ума Дуев и Атабай Атаев – в ссылке в российской глубинке, Гази-Хаджи Зандакский скрывался в родных зандакских ущельях и пещерах. По преданию к Гази направили целые делегации горских проимперски настроенных кругов с предложением прекратить борьбу и «попросить помилования у русского царя». Гази-Хаджи Зандакский ответил, что свой обет газавата и усилия на пути ислама он закрепил со Всевышним Аллахом. («Делаца, пайхамарца чIагЮ йина бусалба динна йихкина юкъ йостур яц».) В народе будут говорить: «Газотан йихкина юкъ ца йостуш, Гази-Хьабжи махках ваьккхина», что означает «за верность газавату Гази-Хаджи лишили родины».

Арест или пленение Гази-Хаджи легло бы большим позором на все чеченское общество, ибо он стал олицетворением высокой нравственности и духовности целой эпохи в судьбе Чечни. Поэтому защитниками его становятся не только рядовые горцы, но и представители горских верхов, находящиеся на царской

¹⁰³ Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX в. М., 2002. С. 77-78.

службе. Так, в результате стараний Мусы Кундухова был освобожден старший сын Гази – Пир-Магомет. По ходатайству полковника Арцу Чермоева Гази-Хаджи разрешили поселиться под надзором в равнинном чеченском селе Старый Юрт (Давлетгири-эвла), где проживали двоюродные братья Гази и находились зандакские кварталы.

В начале 1861 г. Гази-Хаджи со своим семейством переселился в Давлетгири-эвла. Несмотря на строгий надзор со стороны царской администрации, шейх неустанно трудился на ниве религиозного обучения, к нему приходили муриды и муллы из разных терских, кумыкских и других равнинных селений, которые получали ценные знания и даже принимали у него обет, известный у чеченцев как тоуба. Именно здесь в эти годы оформилась «равнинная ветвь» духовной школы (вирд) Гази-Хаджи, преемником которого позже стал Абду-Салам из Алхан-Юрта.

В Старом Юрте произошло радостное событие в большом семействе Гази-Хаджи: у его старшего сына Пир-Магомета рождается первенец – сын, которому Гази-Хаджи дает имя Давлет-Гири в честь основателя села Старого Юрта Давлетгири.

Благочестивый образ жизни, неустанное духовно-религиозное подвижничество, преданность избранному пути создали вокруг Гази-Хаджи ореол святости и негибамости, который притягивал мусульман различных областей Северного Кавказа. В числе муридов были не только чеченцы и ингуши, но и кумыки и андийцы, аварцы и адыги.

О роли таких духовных деятелей, как Гази-Хаджи его современник, начальник Аргунского округа А. Ипполитов писал, что в Чечне «мало мулл ученых, есть много мулл влиятельных и уважаемых как по самому характеру своего сана, так равно и вследствие долгого и давнего преобладания духовенства в Чечне, преобладания, начавшегося вместе с появлением в горах исламизма. Притом же в глазах чеченца мулла постоянно оставался представителем того теократического начала, которое недавно еще давало грозные силы народу, под влиянием которого жили и умерли его отцы и деды и которое, следовательно, для него стало легендарно-священным»¹⁰⁵.

Гази-Хаджи и членам его семьи было строго запрещено посещать или поселяться не только в

¹⁰⁴ Там же. С. 191.

¹⁰⁵ Ипполитов А.П. Учение «Зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сб. сведений о кавказских горцах. Вып. II. Тифлис, 1869. С. 14.

Зандаке и Симсаре, но и в любой части Ичкерии. Опасение, что духовные лидеры могут поколебать достигнутые военные успехи, были сильны у царского командования на Северном Кавказе. Особенно это проявилось в 1863 г. с ростом последователей шейха Кунта-Хаджи, учение которого в русских источниках получило название зикризм. На самом деле это было суфийское направление кадирийа, которое отличалось громкими поминаниями и восхвалениями Аллаха (зикр).

Кунта-Хаджи проповедовал мир между людьми, любовь к ближнему, милосердие к бедным, трудолюбие. Но не это вызывало беспокойство царской администрации, а то, что с «1863 г. новое учение вдруг стало принимать совершенно иной характер. Число последователей Кунта-Хаджи увеличилось; сборы их стали чаще и многочисленнее; наставления его... слушались с жадностью и в свою очередь передавались по аулам Чечни с различными толками и комментариями, имевшими характер не всегда миролюбивый»¹⁰⁶. Одним словом, размах нового движения, создание широкой организации со своим духовным управлением, «в которой устанавливались мусульманские нормы, пришло в столкновение с новыми, чуждыми порядками военных колониальных властей. Естественно, царская администрация в Чечне не желала допустить ни создание организованного движения во главе с духовными лидерами, ни установления параллельной «религиозной власти» со своими мусульманскими законами. По логике вещей произошел конфликт двух систем, двух видений социокультурного устройства послевоенной жизни горцев. Эту особенность очень тонко подметил А. Ипполитов, военный чиновник, который непосредственно в то время жил среди чеченцев. Он отмечал: «В скором времени Чечня, Назрань и большая часть нагорных обществ чеченского племени были покрыты этим тайным учением, как крепкою сетью. Все, кому не нравился существовавший порядок вещей, все, которые жалели о старом, добром времени, о времени шариата, все назвали себя учениками и последователями Кунта-Хаджи и поборниками мусульманской веры»¹⁰⁷.

Кавказское начальство решило принять срочные меры. 3 января 1864 г. Кунта-Хаджи и его брат Мовсар были схвачены в Шалинском участке (Аргунское наибство) и немедленно под особым конвоем отправлены в Новочеркасск. Еще 18 соратников Кунта-Хаджи (наибы и векилы), обвиненные в причастности к движению зикризма, были арестованы и сосланы на различные сроки в отдаленные российские губернии.

¹⁰⁶ Там же. С. 3.

Царские власти начали целую волну репрессий в отношении «неблагонадежных» мусульманских лиц, также в высших кругах военной администрации обсуждался план, предусматривающий ослабление населения горной Чечни с добровольным их переселением на плоскость или выселением в Османскую империю.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

В этих тяжелых условиях Гази-Хаджи принимает решение выполнить свое давнее желание – отправиться в священную Мекку и совершить обряд хаджа. Прежде чем покинуть Чечню, он обратился с просьбой дать ему разрешение – посетить Зандак¹⁰⁸, землю своих отцов. Даже в этом ему было отказано. Его доброжелатель, генерал царской армии Арцу Чермоев¹⁰⁹, признававший Гази-Хаджи своим духовным наставником, помог ему добраться до ауховского села Кешана, которое располагалось на правом берегу Ярык-Су, на другой стороне в 56 километрах южнее находился его родной Зандак. Шейх долго смотрел на родные вершины, понимая, что он не увидит их больше. Здесь начиналась его жизнь, он защищал эти горы и ущелья от врагов, здесь бились родники, вырытые его руками, и сюда же, на зандакскую землю, приходили сотни и сотни горцев, чтобы послушать проповеди и поучения великого праведника, «сломавшего хребет шайтану».

Стоял ясный весенний день 1864 г., природа рождалась яркими красками, а Гази-Хаджи навсегда прощался с Отчизной. О чем он думал, какие чувства испытывал, можно только гадать, но история не пишется на догадках. Одно известно точно – он искренне и горячо любил свою родину.

Гази-Хаджи в дальний путь не взял с собой никого из членов семьи и преданных муридов. Своим сыновьям он завещал не покидать родную землю, а сам должен откликнуться на призыв Аллаха. Младшему сыну Мутали, который обладал горячим нравом и сильным характером, он завещал: «Для нуждающегося в брате – будь братом, для нуждающегося в дочери – будь дочерью. Всегда будь на стороне справедливости, помогай страждущим. Ни с кем не враждуй и уповай во всем на Аллаха»¹¹⁰.

Путь Гази-Хаджи лежал через Хасав-Юрт, Дербент, Южный Кавказ, и далее через русско-турецкую

¹⁰⁷ Там же. С. 34.

¹⁰⁸ Симсар к тому времени был разрушен, а жители переселены на равнину.

¹⁰⁹ Двоюродная сестра А. Чермоева по имени Ханигаз (будущая мать имама Алибека-Хаджи) была замужем за Алдамом, младшим братом Гази-Хаджи.

¹¹⁰ ПМА от 08.2008

границу он вступил в пределы Османской империи. Гази-Хаджи, достигнув Мекки, выполнил обряд хаджа, побывал на могиле пророка в Медине. Он был встречен духовной элитой священной земли с большим уважением и почетом. Близким его другом здесь стал мекканский шейх по имени Муса, о котором упоминается в чеченском назме – религиозном стихе¹¹¹.

Через год после переселения Гази-Хаджи посетили очень дорогие для него паломники из Чечни, среди которых был и его старший сын Пир-Магомет. Пробыв какое-то время у Гази-Хаджи, они вернулись на родину. В 1867 г. исламский шейх, выдающийся сын Кавказа Гази-Хаджи Зандакский покинул земную обитель. Он похоронен в Священной Мекке, недалеко от «масджидальхарам» (Заповедной мечети).

В Чечне память о шейхе из Зандака жива до наших времен. Но с каждым днем уходят старики, которые помнили рассказы и предания о знаменитом праведнике, «сломавшем хребет шайтану». На южной окраине Симсара находится мазар (Геза-Хъаьжи зиярт) на том месте, где Гази-Хаджи держал обет халвата – уединения. Недалеко от него на склоне горы бьет маленький родник, называемый в народе «Беши шовда» (родник Беши-шейха). До сих пор в нижней части Зандака сохранился каменный свидетель жизни Гази-Хаджи – мечеть газавата¹¹². По дороге из Зандака в Симсар на склоне горы лежит огромная глыба, которая называется «камнем Гази-Хаджи». Сюда приходят паломники и путники, интересующиеся жизнью великого праведника, и никто не знает, откуда этот камень огромного размера взялся здесь, на лесистом хребте.

Высокогорный аул Симсар обязан своим возникновением Гази-Хаджи. Окруженный живописным лесом из граба, бука, осины, ореха и дикой груши, он прославился не только своей природной красотой, но и великими людьми и событиями, связанными с героической историей чеченского народа.

Судьба потомков Гази-Хаджи неразрывно связана с судьбой своего народа. Они выполнили завет своего отца, не покинули родину. Старший сын Пир-Магомет два раза совершил хадж: первый раз при жизни отца, второй – после его смерти. Он многократно подвергался наказаниям со стороны царских оккупационных властей, его арестовывали и ссылали на различные сроки, в конце концов, он возвращался в родные места. Умер в 1308 г.х. (1890/1891 г.) Похоронен в ауле Симсар.

¹¹¹ Там же.

Его младший сын Мутали долгое время жил в ссылке в Аксае. Там он получил мусульманское образование у Абу-шейха Аксайского, ученика Гази. Мутали скончался в 1380 г.х. (1912 г.) Похоронен на старинном зандакском кладбище рядом с могилой деда Арзу¹¹³.

Младшая дочь Гази-Хаджи Теа (Тоа), которая была еще младенцем во времена переселения отца, не успев выйти замуж, вышла на газават – стала бок о бок со своими братьями во время Чеченского восстания 1877 г. под руководством ее двоюродного брата имама Алибека-Хаджи Алдама. Она погибла в сражении в окрестностях Симсар в начале октября 1877 г. и там же похоронена. Ее могилу «Теи-каш» знает любой житель Симсара от мала до велика. Она стала чеченской Жанной д'Арк, национальной героиней, имя и подвиг которой потомки должны знать и помнить.

Имам Алибек-Хаджи, руководитель Чеченского восстания 1877 г., родной племянник Гази-Хаджи, сын его младшего брата Алдама, в 22 года был избран имамом, случай редкий в истории освободительного движения Северного Кавказа. Его избранию способствовали не только личные качества, которыми несомненно обладал Алибек-Хаджи, но и принадлежность к роду и наследию великого зандакского шейха.

Жуоба¹¹⁴ – внук Гази-Хаджи, наставник равнинной ветви духовной школы вирда Гази-Хаджи, получил мусульманское образование у видных алимов Дагестана и Чечни, владел 10 языками, хранил библиотеку Гази-Хаджи, был автором религиозных трактатов, на рубеже 20-30-х гг. XX в. – имам села Бамат-Юрт (Виноградное). В 1937 г. арестован вместе с 300 мусульманскими деятелями Чечни и Ингушетии. Практически все они были расстреляны.

Гази-Хаджи жил, творил и страдал в судьбоносный период истории своего народа. Выходец из древнего и славного горского рода, он не мог находиться в стороне тогда, когда решалась судьба отечества. Для него собственное благополучие и благополучие родины немислимо было без ислама. С детства он получил глубокое исламское образование, сопряженное с усвоением сложного мистического познания. Его первыми наставниками были величайший исламский мыслитель Дагестана, «отец-основатель кавказского мюридизма» шейх Мухаммад Ярагский и «прямоидущий ученый», самый известный и признанный

¹¹² От разрушения в советские атеистические времена эту мечеть спасли председатель колхоза им. Гагарина Хаджиматов Абдул из Гилны и партийный руководитель этого же колхоза Хидразов Идрис из Зандака. На территории Чечни это одна из самых старинных мечетей.

¹¹³ ПМА от 08.2008.

¹¹⁴ Он был женат на внучке Алибека-Хаджи, которую звали Жонтоти.

чеченский шейх Ташов-Хаджи. У первого он постигал глубину исламских наук, со вторым он внедрял в практику горского бытия основы шариата и исламского образа жизни. Он всегда оставался аскетом в личной жизни, довольствуясь самым малым. Даже выходя в последний тяжелый путь паломника, он не взял с собой подарок своего почитателя А. Чермоева – трех отборных лошадей и необходимый скарб для путешествия. Он попросил раздать это нуждающимся зандакцам.

Он никогда не прятался за «мантию шейха», когда шла освободительная борьба против «иноверного завоевателя», он был истинным «газием» – воителем за веру и в финале Кавказской войны остался верен своему обету газавата.

Гази-Хаджи – выходец из народа, для которого обычаи представляют отлаженную веками систему организации жизнедеятельности общества, своеобразный механизм приспособления к пространству (рельеф, климат, контакты с соседними народами и т.д.). Вобрал опыт многих поколений, обычаи стали фундаментом этнического самосознания, тем, что С.М. Соловьев назвал «природой племени».

Гази-Хаджи бросил вызов этой природе тысячелетнего опыта, простив убийцу родного сына. Проявив великое терпение, он смог подавить личные чувства справедливого возмездия. Удовлетворение праведной мести в «грешной жизни» (харцдуйне) предпочел награду Всевышнего Аллаха в «вечной жизни» (бакъдуйне). За этот величайший духовный подвиг Гази-Хаджи называли «шейхом, сломавшим хребет шайтану».

Гази-Хаджи был искренне предан своим идеалам и во время триумфа и во время поражений, в которых он видел «божье испытание». Он не свернул с избранного пути поборника ислама даже тогда, когда его стремления не приобрели практического воплощения. Его не покидала уверенность на пути Аллаха, когда его вынужденно разлучали с родными горами. Бескомпромиссный в вопросах совести и долга, он готов был жертвовать во имя добра и мира для своего народа.

Его последние слова перед великим исходом звучат, как вечный завет праведных отцов своим потомкам: «Махкана маршалла, Со саIа хуьлда» (Пусть свободною будет страна. Я милостыня за тебя.) Гази-Хаджи Зандакский вошел в духовное и историческое пространство своего народа как подлинный национальный герой.

БЕСЕДЫ О ГАЗИ-ХАДЖИ

Встреча в Симсаре с потомками Гази-Хаджи. Один из них – Шахрудди Алмагомедов (род. в 1965 г.), праправнук Алдама, брата Гази-Хаджи.

– Гази-Хаджи, величайший сын Чечни, он хорошо известен, его имя знают все, о нем сложены назмы. Но так случилось, что в истории Чечни он не запечатлен, о нем не написано ни одной исторической работы. Почему так произошло?

– Длительное время, в период господства коммунистической идеологии о религиозных деятелях писалось только отрицательное или вообще эта тема для объективного исследования была запрещенной. Еще так получилось, что Гази-Хаджи из-за своей глубокой скромности и преданности своим наставникам оставался в тени своего устаза Воккха-Хьабжи (Ташев Хаджи) и имама Шамиля. Также известно, что у него было прозвище, данное народом – Беза-шейх (Любимый шейх) И люди у нас до сих пор думают, что Гази-Хаджи и Беза – это две разные исторические личности.

– Мне известно, что география его деятельности была широкой. Он учился в Южном Дагестане, лезгинском селении Яраг у шейха Мухаммада, творил, боролся и жил в горах и на равнине Чечни, выполнял религиозную миссию в Черкесии. Его почитают и чеченцы, и кумыки, и другие народы Северного Кавказа.

Из фамильных преданий, которые в нашем роду хранились бережно и передавались из поколения в поколение, мы знаем, что он с исламскими проповедями был на Северо-Западном Кавказе, в Черкесии. Сколько он там пробыл и как добирался нам точно неизвестно, но мы сохранили назму на арабском языке, сочиненную неизвестным черкесским муллоу.

– Гази-Хаджи принадлежит к древнему зандакскому роду. Его предки всегда стояли на страже родной земли и были очень известны в Нохч-Махке.

– Отец Гази-Хаджи по имени Арзу был известным бабьча (народным предводителем) в Ичкерии. В конце XVIII в. – начале XIX в. его имя гремело в горах Чечни и Дагестана. Он участвовал во всех жарких делах и своим детям привил светлую веру в Аллаха. В 20-х гг. XIX в. он отдал своего сына, еще в детском возрасте на воспитание и обучение дагестанскому шейху Мух Ярагскому. Арзу во главе нохчмахкеского отряда из 60 человек разбил отряд Шамхала Тарковского, который хотел обложить чеченцев-ичкеринцев

феодалными податями. До сих пор в Зандаке есть местечко, называемое «Элий байина аре» – «Долина, где разбили феодалов». «Незванным гостям» Арзу заявил, что чеченцы – свободные люди и никому ясак платить не будут. После этого его называли «оьзда эла», «князь благородства».

– Родовое предание об Арзу: «Однажды в Зандак из западной части Чечни явилась женщина. Она обратилась к старейшинам с вопросом «Ваш Зандак славится благородными сынами (кьо). Назовите самого достойного среди вас». И к женщине той привели Арзу. Она внезапно обняла его, выполняя древний обычай – сделать его молочным сыном. После этого она произнесла: «Я не принесла тебе позор, а пришла к тебе за помощью. В нашем селении живет убийца моего мужа, который презирает меня и моего пятнадцатилетнего сына, который не имеет родственников и защиты. Я пришла найти достойного брата для моего сына и поэтому с сегодняшнего дня я прошу тебя стать его братом». Арзу дал свое твердое согласие и пришел в дом к своему новому брату. Они начали обдумывать план возмездия.

Как-то в том ауле собирался синкьерам («вечеринка»), где должен был присутствовать убийца. Арзу со своим молочным братом решили явиться на эту вечеринку. Войдя в дом, они произнесли салам. Все присутствующие привстали принимая салам, кроме убийцы. По поведению, узнав его, Арзу вызвал его на единоборство. Произошла схватка, в которой Арзу убил кровника своего молочного брата.

После этого он встретился с родственниками своей жертвы. На этой встрече он произнес: «Не считайте больше этого юношу (указывая на своего молочного брата) беззащитным. Я его защита. Мы отомстили за его отца и пусть ваша вражда останется в прошлом».

– Гази-Хаджи был очень близок к Ташев-Хаджи. Их искренняя дружба и взаимная привязанность стали одной из причин, из-за которых Ташев-Хаджи переселился в Ичкерия и стал выдающимся духовным и военно-политическим лидером Чечни первой половины XIX в.

– Знакомство Гази-Хаджи с Ташев-Хаджи завязалось в медресе у Мухамада Ярагского. Наши отцы и деды нам говорили, что после шейха Мухаммада о воспитании и становлении Безы искреннюю заботу проявлял Ташев-Хаджи. Он стал его учителем и близким другом. Ташев-Хаджи был старше Гази на 13-14 лет. До и после Эндары – Родины Ташев и места, где он несколько лет был имамом, куда к нему за советом и наставлениями приезжали акинцы и другие горные чеченцы. Ташев-Хаджи понял, что чеченцы очень надежные и преданные соратники, готовые своими сердцами и делами возвысить религию Аллаха. Ташев

около 5 лет провел в Ширча-Юрте у аккинцев. После этого он переселился со своим другом Гази-Хаджи в Ичкеррию и прославил аул Саясан, где он приобрел последнее пристанище. Согласно преданию Ташев-Хаджи своим словом призывал к религии, а Беза своим мечом разил врагов. Во всех военных сражениях и общественных и религиозных делах рядом с Ташевым находился Беза.

– Жизнь героя сложна. Это не только горячие схватки, мужественные поступки и яркие подвиги. На войне всегда тяжело, она сеет ужас и разрушения, приносит потери и страх. Кого-то возвышает духовно и морально, кого-то озлобляет, вызывая хищнические инстинкты, но бывают и такие, в которых война вселяет безысходность, уныние и постоянный поиск виновных из своей среды. На определенном этапе так и произошло с Гази. Некоторые жители Зандака, которые неоднократно подвергались нападениям царских карателей, посчитали, что во всех бедах виноват поборник ислама – Гази-Хаджи.

– Действительно, в конце 1830-х гг. из-за необоснованных обвинений в том, что из-за него Зандак дважды подвергнулся сожжению, Гази со своими братьями переселяется на несколько километров южнее Зандака, в местность, где рос густой горный лес. Это место в свое время облюбовал их отец Арзу. Гази назвал новый аул Симсар. Откуда происходит название мы не знаем, но точно известно, что первоначально здесь поселилось 8 семейств – это сыновья Арзу и их единомышленники. На войну они выступали из Симсара, намаз совершали в Зандаке, с которым они не прерывали связей. Обряд халвата Гази проходил в верховьях Симсара под руководством Ташев-Хаджи. Он три года провел в яме, осязая ахира. Выход Гази из халвата происходил очень торжественно, при стечении огромного количества людей. Свои мысли по поводу такого скопления людей в свою честь Гази расценил как проявление гордыни, и он решает уйти в уединение еще на три месяца. На месте, где находилась эта яма сейчас стоит зиярат Гази-Хаджи. После халвата он лично выбрал место для кладбища, обозначая границу. Первым усопшим, кого захоронили в этом месте, стала трехлетняя девочка. Гази успокаивал безутешную мать умершей, уверяя ее, что девочке не будет одиноко в этом месте и пообещал, что будет молиться за нее.

– Имам Шамиль высоко ценил Гази-Хаджи за его твердую веру и преданность на пути Аллаха. Он неоднократно поручал ему важные религиозные миссии и решение общественно-политических вопросов, связанных с освободительным движением. Он окружал его особым вниманием и при случае

лично выходил его встречать.

– На раннем этапе своей деятельности Гази-Хаджи с братьями ходил в Дагестан на помощь имаму Шамилю, еще до того, как тот встал во главе объединенного государства Чечни и Дагестана. Он неустанно помогал Шамилю в утверждении шариата в дагестанских селах, его родные братья Гожакх и Тодакх в прямом смысле слова сложили свои головы в бою под дагестанским селением Ишкарты. Их обезглавленные тела были перевезены и похоронены в Симсаре.

– *Известно, что по наветам клеветников и завистников возникли серьезные трения между имамом Шамилем и шейхом Ташев-Хаджи. Однако очень скоро конфликт уладился. По приглашению Шамиля в Ведено пришли Ташев-Хаджи с Гази-Хаджи. Когда гости переступали через порог дома Шамиля, Беза, следовавший за Ташев-Хаджи воскликнул: «Выйди оттуда наджаз или я поражу тебя своим кинжалом». Войдя в комнату Гази-Хаджи так приветствовал имама: «Ассалям-алеЙкум ахлал-Мадина!». Шамиль с радостью на устах воскликнул: «Ваалейкум-салям ахлал-Макка!». После завершения этой встречи, близкие Шамилю мюриды удивленно спросили: «Неужели имам ты не испугался угроз, которые он произнес, переступая порог. На что Шамиль ответил, что угрозы были адресованы шайтану, который хотел их поссорить и вселил между ним и Ташев-Хаджи семена подозрения. «Гази-Хаджи изгнал его из наших сердец. Он любимец Аллаха».*

– *В Чечне существует много суфийских братств, принадлежащим к двум основным тарикатам – накшбандийскому и кадирийскому. Во время исполнения обряда зикр практически все братства вспоминают имя Гази-Хаджи. В одном сборнике чеченских назмов его имя часто звучит рядом с именем другого величайшего духовного наставника чеченского народа – Кунта-Хаджи.*

– Кунта-Хаджи и Гази-Хаджи жили в одно время, хотя известно, что Кунта-Хаджи был моложе Гази. Считают, что Кунта был ровесником старшего сына Гази – Пир-Магомета. В. Акаев в своей статье в газете «Даймошки» за 14.01.1992 г. отмечал, что в Чечне первыми друзьями, закристами шейха Кунта-Хаджи были Гази-шейх и Башир-шейх. Свидетельства о высоком уважении шейха из Плисхан-Юрта по отношению к Гази-Хаджи мы находим в его трактате «Тарджамат макалаты Кунта-шейх».

– *Шахрудди, я смотрю среди ваших детей, племянников многие носят имена ваши славных предков – Арзу, Беза, Алибек. Это случайность или дань памяти праотцам. Ведь, как правило, у*

чеченцев наложено определенное табу на наречение имен дедов и прадедов внукам.

– Раньше в досоветское время у нас очень бережно сохранялись тептары, своеобразные генеалогические хроники, составленные на чеченском языке с использованием арабской основы. И потомки прекрасно могли знать не только имена, но и происхождение и деяния своих отцов. К сожалению, эта традиция в эпоху воинствующего атеизма бала нарушена, а после депортации чеченского народа в Среднюю Азию и Казахстан, многие древние родовые хроники, религиозные трактаты и другие письменные источники, свидетельствующие о духовном наследии нашего народа, были уничтожены.

Мы в своем роду решили установить такую традицию, согласно которой будем «обновлять имена предков» путем наречения своих детей и внуков, хотя бы так мы сохраним память своих отцов. Достойные деяния славных предков – это сильные корни, питающие и одухотворяющие новую жизнь потомков.

Беседа с Эрсенбиевым Абдул-Мажидом, 1928 года рождения. Он известен в своем а. Симсар по имени Мажад, и является одним из старейшин Симсара, праправнук Гази-Хаджи, правнук Жовзанит, дочери шейха Гази-Хаджи.

– *Мажад, вы самый уважаемый и старейший представитель потомков Гази-Хаджи, непосредственно общались с близкими и друзьями Жуобы – внука Гази-Хаджи, ваша бабушка по отцу – Эку, была внучкой Гази-Хаджи. Когда в Зандаке или Симсаре спрашиваешь о старейшинах, хранителях преданий великого зандикского шейха, то все указывают на вас. Расскажите, пожалуйста, о роде, жизни и деятельности Гази-Хаджи?*

– Шейха Гази-Хаджи в нашем большом доме и большом роду и выходцы из Зандака называют Беза, Беза-шейх, а за пределами Зандакских земель он известен как Зандакский шейх (авлия) Гази-Хаджи.

По преданию, первый молочный зуб у Безы выпал, когда он с отцом верхом на коне направлялся на учебу в медресе знаменитого на весь Кавказ алима Мухаммада Ярагского. Этот зуб его родители бережно сохранили, потом он хранился у младшего сына Безы – Мутали. Когда Мутали умер, зуб этот похоронили вместе с ним на старинном кладбище в центре Зандака.

В медресе под руководством Мухаммада Ярагского постигали исламские знания множество муталибов (учеников) из Северного Кавказа. В одно время с Гази-Хаджи там учились Гази-Мухаммед, первый имам Дагестана, известный шейх Ташев-Хаджи (в X в.), имам Шамиль, шейх Абдурахман аль-

Сугури и др. Гази-Хаджи преуспевал в учебе и пытался постичь глубину знаний.

Отец Безы Арзу был в свое время известным в Чечне и Дагестане своим благородством и мужеством. Он победил во главе небольшого отряда из 60 нахчмохкских смельчаков сражение с отрядом шамхала Тарковского, который пытался подчинить Зандак и прилегающие земли обложить их феодальными податями. За эту победу Арзу был прозван в народе «цIена эла», т.е. «князь благородства».

При жизни Арзу, в горах был сильный голод и брат Арзу, имя которого мы не помним, переселился на равнину в Давлетгири-эвла (ныне Толстой-Юрт, Девкарэвла). В Зандаке, еще до выселения чеченцев жил один сторожил, проживший больше 130 лет по имени Байракх. Однажды, у него попросили рассказать о самом тяжелом периоде в его длинной жизни. И он рассказал, что «семь лет непрерывно в горах шли дожди, из-за невзгод погоды не было урожая, и горцы испытывали нужду в продуктах, наступил голод. В то время мы собирали ягоды, которые росли на кустарниках, сушили их, делали муку и кушали. Это была такая «горькая мука», что кусок не проходил в глотку, мы испытывали жестокий голод. Также делали муку из («тхьамар ахыр») «кукурузных кочерыжек», «самое съедобное». Она не была такой горькой. И жестокий голодомор вынудил многих горцев переселиться на равнину, люди спасали свои жизни».

Ташу-Хаджи из Саясана, Гази-Хаджи из Зандака и Кунта-Хаджи из Илисхан-Юрта жили в одно время и хорошо знали друг друга. Гази-Хаджи Зандакский был моложе Ташу-Хаджи, но старше Кунта-Хаджи. Ташу-Хаджи принял живое участие в обучении и воспитании Гази-Хаджи. Это стало одним из заветов шейха Мухаммада Ярагского, который лично поручил Ташу-Хаджи заботиться о духовном становлении шейха Гази. Внимание и полную заботу о Зандакском шейхе проявил Ташу во время его халвата и постижении пути тариката и шариата. При стечении огромного количества людей после выхода Гази-Хаджи из халвата Саясановский Воккха-Хь... заявил во всеуслышание о том, что Гази достиг ступени авлия.

На пути утверждения шариата на чеченской земле, который начал Ташу-Хаджи Саясановский его правой рукой оставался Гази-Хаджи Зандакский. Они развернули неутомимую деятельность среди алимов и духовных лиц в разных уголках Чечни. По горам и равнине, призывая мусульман на газават, возводили военные укрепления для обороны от посягательств царских завоевателей. Приняли имама Шамиля после поражения в горах Дагестана.

Деятельность Гази-Хаджи вызывала яростное неприятие со стороны царизма и его ставленников. Поэтому Симсар неоднократно подвергался разрушениям, а ее жителей уничтожали и переселяли на равнину.

Царский генерал Арцу Чермоев, обладая высокими царскими званиями, тем не менее тайно был мюридом Гази-Хаджи. Поэтому Арцу тайно помогал Гази-Хаджи. Когда шейха царские власти пытались отправить в ссылку, то Арцу оказал серьезную поддержку, были назначены уважаемые лица, которые от имени властей вели переговоры с Гази-Хаджи. Среди них своим умом и авторитетом славился Келемат из Энгеной. Процарски настроенные делегаты заявили шейху, что если он не откажется от газавата, то ему придется с семьей покинуть родную землю. Гази-Хаджи на такое ультимативное предложение дал такой ответ: «Свой пояс поборника ислама и участника газавата я надел, закрепив клятвой именем Аллаха и пророка (Долацы, найхамарцы г..., бусулба дина йихкина юкъ йостур яц ига). После этого царские власти вынесли решение сослать Гази с семьей с гор, без права возвращения не только в Зандак, но и в Ичкерия. Местом ссылки по ходатайству ген. Арзу было выбрано село Старый-Юрт на Тереке (Девкар-эвлы). С шейхом были сосланы и его дети, сыновья с семьями. Пир-Магомет, старший сын Гази-Хаджи, 9 раз подвергался различным арестам и ссылками и всегда при помощи Арцу Чермоева получал освобождение. У Пир-Магомета в ссылке в Давлетгири-ауле родной сын, которому Гази-Хаджи дал имя Давлетгири в честь основателя Давлетгири-аула. Большое потомство того Давлетгири и его брата Загало до сих пор живут в нашем Симсаре и за его пределами. После терской ссылки Гази-Хаджи отправился в Мекку на «вечное поселение». В славной Мекке его радушным кунаком стал шейх Муса. Среди обитателей Мекки Гази-Хаджи провел полных три года, довольствуясь дружбой и гостеприимством шейха Мусы. После этого он отправился на праведный суд Всевышнего Аллаха. Шейх Муса из Мекки похоронил его на священной земле аль-харама, где возвышается вечная святыня приверженцев истинной веры – Величественная Кааба.

Шамиль после сражения в Ахульго (1839 г.) пешком перешел из Дагестана через Амир-Корта, одну из Симсарских высот, первоначально он был гостеприимно принят жителями Зандакского хутора Байтарки. Его житель по имени Гурба в честь дорогого гостя зарезал быка и Шамиль со своими близкими соратниками три дня и три ночи провел в Байторки, после чего он прибыл в Беной.

ГАЗИ ХАДЖИ – ШЕЙХ ИЗ ЗАНДАКА¹¹⁵

В свое время шейх Гази-Хаджи Зандакский был широко известен и пользовался высоким признанием не только в Чечне и Дагестане, но и в религиозном центре исламской цивилизации городе Мекке. Да и сегодня среди старшего поколения чеченцев вряд ли найдется человек, который не знал бы его имя. Однако молодое поколение очень мало или ничего не знает о его жизни. Этому не стоит удивляться, ибо длительное время чеченский народ находился в состоянии разрухи и этнической рассеянности, и многое из исторического наследия нашего народа было либо уничтожено в период тоталитарного режима, либо исчезло бесследно.

Мало того, руководитель научно-исследовательского института Чеченской Республики Акаев Вахид и директор Чеченского краеведческого музея Мусаева Зарема с большим сожалением признали, что в руководимых ими учреждениях о шейхе Гази-Хаджи Зандакском нет ни одного документа или источника.

Все это привело меня к тому, что я решил написать очерк о Гази-Хаджи, в первую очередь основываясь на беседах со старожилками и конечно же непосредственно расспрашивая о его жизни у его потомков. Я искал ответ на вопрос, кем же был Гази-Хаджи (Беза) Зандакский?

Гази-Хаджи родился в Зандаке. Точно определить дату его рождения тяжело. В раннем возрасте его отец Арзу верхом на коне отвез сына из Зандака в Медресе к широко известному в Дагестане и Чечне крупному мусульманскому ученому шейху Мухаммаду Ярагскому. Этот ученый радушно принял зандакского юношу и дал ему глубокие религиозные знания.

В Медресе Мухаммада Ярагского наряду с Гази обучалось 11 муталимов (учеников), которые глубоко почитали своего устаза (учителя). Это такие как Гази-Мухаммад, первый имам Дагестана, Ташов-Хаджи (известный в Чечне как Сесанара Воккха-Хьабжа), имам Шамиль, Абдурахман ас-Сугури. Гази был среди них самым младшим, но несмотря на это он учился хорошо, своей тягой к тонкостям религиозных знаний вызывал всеобщее уважение.

Отец Зандакского шейха Арзу в Чечне и Дагестане пользовался большим уважением и был известен как къонах (благородный, достойный, мужественный человек). У Арзу было шесть сыновей: Гази-Хаджи, Орза, Олдам, Агамирза, Тодакх, Гожакх. Все шестеро защищали честь и свободу Чечни, и этот священный

¹¹⁵ Перевод автора

завет оставили своим потомкам. Арзу после смерти похоронили в старинном большом кладбище Зандака.

Мухаммад Ярагский поручил своему верному ученику Ташов-Хаджи дальнейшее обучение Гази вплоть до достижения им степени валия. Гази-Хаджи долгое время провел в халвате (суфийский обряд уединения), он находился под пристальным вниманием и заботой Ташов-Хаджи, который и посвятил его в духовный сан валия. Шейх Мухаммад Ярагский учил своих муридов довольствоваться малым в еде и питье, вести аскетический образ жизни, во всем соблюдать нормы дозволенного и запретного, духовное самоочищение достигалось постоянными мыслями о смерти.

Впоследствии школа Мухаммада Ярагского свои идеологические и религиозные воззрения приводит в соответствие с новыми социально-политическими требованиями. Поэтому Ташов-Хаджи и Гази-Хаджи в Чечне, Гази-Мухаммад и Шамиль в Дагестане начинают в горском обществе новую пропагандистскую объединительную деятельность.

Они и их соратники посещают каждое селение, горские общества, проводя большую духовно-просветительскую работу, они выступают против губительных узкоместных адатов, заявляют о необходимости широкого внедрения норм шариата.

Особенно большую деятельность в Чечне разворачивает Ташов-Хаджи Саясановский. Непременно его опорой и верным соратником всегда оставался Гази-Хаджи Зандакский. Они встречаются с муллами, алимами (мусульманскими учеными), разъезжая по разным аулам. Призывают горцев к газавату, борьбе против военных укреплений царских завоевателей. Гази-Хаджи становится важным препятствием на пути проводников царской политики. Поэтому родной аул Гази-Хаджи Симсар царские войска разрушили и сожгли, а жителей насильственно переселили на равнину. Зандак тоже неоднократно подвергался военным экзекуциям. Царские неприятели во всем винили Гази, у зандакцев требовали его выдачи, иначе грозили разорить селения...

После окончательного покорения Чечни Российской империей власти запретили Гази-Хаджи и его семье проживание и пребывание в Симсаре или в любом другом горском селении. Его с семьей отправили в ссылку в Надтеречную Чечню, селение Старый Юрт (Давлетгири-эвла). Старший сын Гази Пир-Магомет 9 раз подвергался арестам и всевозможным наказаниям со стороны царизма и каждый раз освобождался благодаря помощи и покровительству царского генерала Арцу Чермоева. У Пир-Магомета было два сына –

Давлетгири и Заглалов. Их большое потомство продолжается по сей день.

У младшего сына Гази-Хаджи Мутали родилось 4 сына: Нурмагома-Хаджи, Газимагома, Гайрмагома, Жуоба. Многочисленное потомство сыновей Мутали проживает в Чечне и Хасав-Юртовском регионе Дагестана.

Младший брат Гази Алдам стал отцом шести сыновей: Алмагомед-Хаджи, Алим-Хаджи, Арпха, Султа, Зелимхан и Алибек-Хаджи. Тот самый Алибек-Хаджи, который является главным героем исторического романа А. Айдарова «Молния в горах», лидер освободительного восстания Чечни 1877 г.

Минбулатов Асрадин (учитель Хасав-Юртовской средней школы № 15, ветеран труда) Гази-Хаджи – шейх из Зандака // Газета «Гумс» от 13.07.1993 г. С. 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Известный русский историк В.О. Ключевский писал: «История – это власть, когда людям хорошо, они забывают о ней, и свое благоденствие приписывают себе самим, когда им становится плохо, они начинают чувствовать ее необходимость и ценить ее благодеяние».

Чеченский народ длительный период был лишен «власти» знаний о своем прошлом. Поэтому этот вакуум интеллектуального пространства заполнялся всевозможной мифологией, псевдонаучными концепциями, в которых было мало поучительного и позитивного для настоящего и будущего нашего национального развития. Когда конструкция исторического прошлого не строится на объективном анализе фактологического материала, то она не сможет помочь нынешним поколениям делать правильные выводы. Такая «история» не учит, не формирует сознание, а разрушает его. Генетическое преемство между историей и современностью не стоит ни игнорировать, ни идеализировать. Прошлое необходимо изучать «без гнева и пристрастия», чтобы понять его, только так мы построим надежное будущее.

Кавказская война XIX в. является одним из сложных, ключевых и судьбоносных периодов истории многих народов Северного Кавказа, в процессе взаимоотношений России и Кавказа. В целом комплексе проблем по данной теме историки существенное внимание уделяют личностному фактору. Как правило, внимание к ярчайшим фигурам этого периода как с горской, так и с русской стороны оставляло в тени безвестности судьбы героев, чьими трудами и жертвами возвысились первые.

Скудные исторические источники и богатый этнографический материал, сохранившийся в народной

памяти, фамильных преданиях и в религиозных текстах, позволяют открыть имена деятелей, которые в силу своей внутренней скромности и духовного обета никогда не тянулись к лучам земной славы. Одним из таких деятелей является шейх Гази-Хаджи Зандакский.

Выходец из древнего Зандака, он вошел в чеченскую историю не просто участником Кавказской войны со всеми ее тяготами и лишениями, жестокостью и высочайшей духовностью. Скорее последнее запечатлелось в памяти народа: Гази-Хаджи был духовным наставником нескольких поколений, он оставался примером негибемого духа и высокой нравственности. Он отказался явиться перед царским победителем с покаянием и просьбой прощения, тем самым сохранив верность своему обету перед Аллахом. Он простил убийцу родного сына не потому, что посчитал зло, совершенное им, оправданным. Приговор над ним оставил за Всевышним, а себе он искал лишь божественную милость своим безграничным терпением.

Гази-Хаджи был еще и созидателем. Два замечательных памятника его деятельности сохранилось в Чечне: один в материальной культуре – это высокогорное селение Симсар с его величественной природой; другой в духовной культуре – это знания, которые он передал своим ученикам, чье наследие мы ощущаем по сей день.

Еще одним бесценным наследием зандакского шейха является то, что он был объединителем и собирателем чеченских земель и обществ. Уроженец Ичкерии, он был больше почитаем и уважаем в Западной (Гехинское наибство) и Надтеречной Чечне. В первой Гази-Хаджи был проповедником и миссионером имама, во второй находился в царской ссылке, где не прекращал свое просветительское духовное творчество. Он всегда был предан идее единства народа. За него заступались и ему симпатизировали не только рядовые горцы, испытавшие на себе всю жестокость завоевательной политики царизма, но и горцы, находившиеся на русской военной службе. Для всех он был образцом духовно-нравственного совершенства.

Гази-Хаджи Зандакский вошел в нашу историю как знаковая фигура. Его изгнание и паломничество в святую землю стало своеобразным сигналом окончательного покорения Северного Кавказа, что положило начало массового вынужденного исхода горцев в страны мусульманского Востока.

Я глубоко верю, что когда-нибудь кропотливый исследователь, который придет мне на смену, либо в

частной коллекции старого муллы в горах Чечни или Дагестана, либо у благодарных потомков кавказской диаспоры в странах Востока найдет ветхие записи жизни Гази-Хаджи, полуистлевшие обрывки воззваний и размышлений, содержащих в себе уникальное повествование о духовной жизни целой эпохи большой монолитной своей верой и многоликостью своими обитателями страны – Дегласта (Дагестан), и выдающаяся личность, которой чужда была слава и власть, чье величие проявлялось в силе духа и безграничном терпении, откроется нам во всей своей внутренней красоте, и тогда быть может мы узнаем источник его вдохновенной энергии и преданности божественным ценностям. Только тогда мы до конца поймем смысл его последних слов перед разлукой с родиной: «Махкана маршалла, со сагла хулийла!» («Пусть свободно будет страна, я милостыня за тебя!»).

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГАЗИ-ХАДЖИ ЗАНДАКСКОГО

Годы	Событие
1808-1840	«Зандакско-дагестанский период» жизни Гази-Хаджи
1808	В Юго-Восточной Чечне (Ичкерии) в ауле Зандак, в древнем зандакском роду (некъе) Заглаш в семье известного своим благородством и храбростью горца Арзу родился сын Гази.
1821	Арзу отдаёт своего сына Гази на обучение известному дагестанскому шейху Мухаммаду Ярагскому (Южный Дагестан)
1820-е – начало 1830-х	Знакомство и начало дружбы Гази-Хаджи Зандакского с будущими имамами Дагестана и Чечни Гази-Мухаммадом и Шамилем, известными шейхами Джамалуддином Казикумухским, Абдурахманом Согратлинским и Ташев Хаджи Саясановским
1834	Гази-Хаджи Зандакский становится мюридом шейха Ташев-Хаджи, который вместе со своим учеником и другом переселяется в Ичкерия
1836	Участие Гази-Хаджи в составе Зандакского ополчения под руководством своего отца Арзу в сражении с русским военным отрядом под начальством генерала Граббе
август 1839	После поражения в Ахульго имам Шамиль прибывает в Ичкерия. Встреча в Зандаке
начало 1840-х	Переселение Гази-Хаджи с братьями южнее Зандака и основание аула Симсар. Название дал сам Гази-Хаджи. Пребывание в халвате – суфийский обет уединения

- 1843-1850** **«Гехинский период» жизни и деятельности Гази-Хаджи**
- весна 1843** Смерть друга и духовного наставника Ташев-Хаджи Саясановского
- первая половина 1840-х** Гази-Хаджи становится идеологом и мухтасибом (имамский инспектор по контролю за соблюдением шариата) в Ичкеринском вилайете Имамата
- 1843 – начало 1850** Гази-Хаджи – один из главных исламских проповедников в Западной Чечне, Гехинский вилайет. Идеологическая миссия в Черкесию по поручению имама Шамиля
- 1850-е** **«Ичкеринский период»**
- 1850-е** Гази-Хаджи возвращается в Ичкерию, где проводит религиозно-политическую деятельность по созданию «горской ветви» духовной школы Гази-Хаджи
- 1858-1859** Покорение Чечни и Дагестана. Пленение Шамиля. Гази-Хаджи уходит в подполье
- 1860** Гази-Хаджи становится имамом – духовным руководителем восстания в Ичкерии
- декабрь 1860** Бой с превосходящими по численности царскими войсками в окрестностях Симсары с участием Гази-Хаджи. Пленение старшего сына Гази-Хаджи – Пир-Магомета
- 1861 – начало 1864** **«Терский период» жизни и деятельности и Гази-Хаджи**
- начало 1861 – начало 1864** Ссылка в Надтеречный округ в селение Старый Юрт. Создание «равнинной ветви» духовной школы Гази-Хаджи
- 1864-1867** **«Мекканский период» жизни и деятельности Гази-Хаджи**
- весна 1864** Переселение в Мекку. Хадж и посещение Медины
- 1865-1866** Приезд в Мекку группы паломников из Чечни, среди которых был старший сын Гази-Хаджи – Пир-Магомет.

- 1864-1867** Знакомство и дружба с арабским шейхом Мусой и другим видными мусульманскими учеными Хиджаза
- 1867** Гази-Хаджи Зандакский скончался в Мекке. Похоронен на территории «Масджид альхарам» – Заповедной мечети

**РАПОРТ ПОЛКОВНИКА ПУЛЛО НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ И
ЧЕРНОМОРИИ ГЕНЕРАЛ МАЙОРУ ПЕТРОВУ О РЕЗУЛЬТАТАХ ЭКСПЕДИЦИИ ПРОТИВ
НЕПОКОРНЫХ ГОРЦЕВ 27 АВГУСТА 1836 Г.¹¹⁶**

23 августа... к 9 часам прибыл к общему сборному пункту, на р. Яман-Су, где сосредоточив все вышеупомянутые войска, и разделив оныя на две колонны, 1-ю составлял из кавалерии Моздокских 250 и Гребенских 250 казаков и части конных кумыкских всадников; 6 рот егерей Куринского полка, 2 легкой пешей артиллерийских орудий и 2 горных мартирок под командованием генерального штаба полковника Ковалевского, а 2 из 8 рот Куринского и 2-х рот Мингрельских егерей, с 5 конными 1 пешим орудиями, и 50 моздокскими казаками под командованием подполковника Пантелеева... обе колонны двинулись в деревню Зандак... причем проводником с усердием к успеху в предприятиях служил преданный нашему правительству Ауховский мулла Дукай.

По прибытии моем к деревню с двумя ротами Куринского полка я скоро заметил, что партия неприязненных чеченцев в множестве собираются, со всех сторон стекаясь из соседних деревень Бояна (Беной), Чунтур (Центорой), Белетли (Билты), Датах и других ичкеринских. Для избежания значительных потерь я нашел полезным приступить к отступлению...

Я не приказал жечь деревню, и исключая только домов одних мюридов, кои по дружбе и по родству с возмутителем Ташав-Гаджи, были мною замечены; а посему, придав огню дома сих последних, приказал с добычею, полученною в Зандаке, отступить, что и было совершено в должном порядке и устройстве; все яростные напоры чеченцев на наши цепи были отражены сильными резервами...

Пройдя же сию деревню, Ташав-Гаджи находился в окрестностях Зандака с собравшимися жителями Балан-Су и Мескита настиг в опушках следование отряда и сделал отважное покушение, бросившись в

¹¹⁶ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20 – 50х гг. XIX в. Сборник материалов. Махачкала, 1959. С. 143-146.

шашки...

При занятии деревни Зандак и при отступлении от оной с нашей стороны убит салатавский пристав подпоручик Каниялов, ранено Куринского егерского полка штабс-капитана Васильев... нижних чинов убито 6, ранено 32...

Убитыми в самой деревне 26 мужского и 14 душ женского пола, в числе первых несколько главных мюридов и 3 человека истинных Ташаву-Гаджи приятелей и последователей.

**РАПОРТ НАЧАЛЬНИКА ЛЕВОГО ФЛАНГА О НАМЕРЕНИИ ПОКОРНЫХ ЧЕЧЕНЦЕВ БЕЖАТЬ
В ЧЕЧНЮ В СВЯЗИ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ХОЛЕРЫ; ВОЗЗВАНИЕ НАИБА САБДУЛЛЫ
ЧЕЧЕНЦАМ 29 ИЮНЯ 1847 Г.¹¹⁷**

С появлением холеры на вверенном мне фланге все жители пришли в уныние, особенно она оказала сильное влияние на чеченцев, поселившихся близ наших крепостей. Волнуемые неприязненными нам горцами и признавая холеру за особенный гнев Божий, они видимо склонны бежать в непокорную Чечню, чтобы там по их легковерным понятиям хотя бы умереть в вере...

От наиба Саадуллы и кадия его Гечеба всем живущим под покровительством русских

Желаю вам мир с Богом! Уведомляю Вас: Имам Шамиль разрешает Вам возвратиться в мусульманский край, чтобы спастись в вере истинного Бога и сохранить себя от заразной болезни. Присоединившись к своим единоверцам, вы находясь в общем согласии с нами можете успешно драться с неприятелем и будете счастливы. Мы при помощи Божией идем по истинному пути, указанному нам пророком и остаемся напутствуемы добрыми советами известного всем Шайха Гази. Поспешите исполнить волю имама пока не настигнет Вас смерть. /Раб Аллаха Саадулла / печать / пер. с арабского.

СУФИЙСКИЙ ТРАКТАТ АБДУЛЬ-РАХМАНА АЛЬ-АРИДИ¹¹⁸

О, сын мой! Прими от меня следующие святыя наставления: повинуйтесь высокому Божественному закону и повелениям его пророка... избегай того, что запретил Всевышний и занимайся чтением Корана, ибо сие учение (суфизм) наше основано на Коране и на Сунне. Сие учение приказывает нам предостерегать сердце наше от всякой мысли, которая не ведет к Богу. Быть щедрым, не обижать никого и прощать нашим братьям их обиды...

¹¹⁷ 1РГВИА.Ф.13454.Оп.6.Д.721.Л.1-2.

О, брат мой! Люби бедных и будь к ним ласков и благосклонен, оказывай почтение шейхам, поступай хорошо и кротко с твоими собратьями, давай детям советы и наставления, уважение и почтение старикам и почетным лицам, избегай всегда ссоры и неприязни, исключая случаи, когда коснет до веры и закона...

Знай, что истинный бедный (суфий) есть тот, в глазах которого нищета есть богатство. ... Забудь, что люди видят тебя, и имей в виду всегда Бога Единого. Самый добродетельный человек есть тот, который старается всегда избегать того, что удаляет его от Бога Всевышнего.

Суфизм основан на восьми условиях: щедрость, слепое повиновение воле Божьей, терпение, молитва, ношение шерстяного платья, странствование, бдение и голод, бедность... Мухаммад говорил: «Бедность – слава моя».

Источник веры сердце, видимое одним только Богом, источник же богослужения – тело видимое человеком... путеводитель к познанию Бога – сам Бог...

В жизни шейхов есть сорок степеней, которых они должны пройти, чтобы достигнуть до Бога: десять из сих степеней заключаются в законе (шариат); десять в суфизме (тарикат); десять в истине (хакикат) и десять в познании Бога (марифат)...

Геза-Хьяьжех лаьцна назма

Пхийтгара валале хьо жима волуш,
ШийтталгIачу ва шарахь хьай зама йолуш,
Улло льцу накьост вай Дели волуш,
Динна йукь йихкира ахь, ва Хьяьжи-Беза.

Пхийтгара валале хьо жима волуш,
Элчанах ойлаеш, вай Деле кхойкхуш,
Хьай да хьалха вогIуш ЯрагIех оьхуш
Тпарикъат гулдира ахь, ва Хьяьжи-Геза.

¹¹⁸ РГВИА.Ф.846.Д.6457.Л.4247.

Пхийтгара валале хьо жима волуш,
Вай Дели дин кхетам хьай кийрахь болуш,
Хьайна хьалха лаьцна сийлахь КьурІан долуш,
Динна йукь йихкира ахь, ва Хьаьжи-ГІеза.

ЯрагІи шайхаца вай динна ойлаеш,
Сесанара Воккха-Хьаьжа ахь баьрче вохуш,
Цу Киши ва Хьаьже ахь зуькар бохуьйтуш,
Дин цІена кхайкхи ахь, ва Хьаьжи-ГІеза.

Ишкортой раьгІнашка гІазоте оьхуш,
ГІамкара ха лаьцча, вежреха вуьйлуш,
ГІалгІазкхи бІо юкьа, хьо цхьалха хьоьдуш,
Дин сийлахь даьккхира ахь, ва Хьаьжи-ГІеза.

ТІаме ца волучунна гІуданаш кхоьхьуш,
ТІаккха и сийсазвеш тІе бІегІаг летош,
Ахь дине ерзина хІара Нана-ДегІаста,
Динна гІел ма елла, ва Хьаьжи-ГІеза.

СемаІой кортошка четараш детташ,
Четар кІел инарлаш кхиелана хуьйжуш
ГІеза лаца бохуш, нах Іехо гІерташ,
Ма кьайлеш йира хьуна, ва Хьаьжи-ГІеза.

Энганой ва кІентий хьуна гІоьнна ва буьйлуш,
Бенарчу мурдаша хьо шайлахь сецош,

Хъан дурхъа шай догІмаш механа кхайкхош,
Мел дукха вийзира хьо, ва Хъаьжи-Геза.

Хъан юьрта Заьндакъа кехаташ туйсуш,
Геза шайга схьало, аш хІун до бохуш.
Хьо шайга ца лахь юрт, йагайо бохуш,
Керстанаш хьийзийра хьо, ва Хъаьжи-Геза.

Хасав-Юрта гуллуш, хьо лаца дуйцуш,
Ярхоца хъала-охъа эскараш лелош,
Зандакъарчу декънашкахь зурманаш локхуш
Хьуна тІаьхъа ма боьвлира, ва Хъаьжи-Геза.

Дуйранахула тІелеташ и Донгуз волуш,
Малхбалехула тІелеташ Пойзулла волуш,
Алсам-дукха эскараш цаьршинца долуш
Ма ницкъаш бира хьуна, ва Хъаьжи-Геза.

Зандакъой даккъаштІе йоккха топ йобгуш,
Хьо Іачу Симсара и нисъеш кхуйсуш,
Геза кара ца вагІахь, йагайо бохуш,
Юьртана ницкъ бира хъа, ва Хъаьжи-Геза.

Ламанан хотешка ва вуьйлуш, холбата хуйжуш,
Ламанан даккъашка вуьйлуш, хьо Деле кхойкхуш,
Вайл тІаьхъа дина гІо хъа дер-те бохуш,
Дин Деле далхийра ахь, ва Хъаьжи-Геза.

Зандакьой яьсираш ца дерзо лууш,
Махкана букь тохар, хала дуй хууш,
Дела кхиел тIекхачар хьукмане хьобжуш,
Махкаха велира хьо, ва Хьаьжи-ГIеза.

Йа-АллахI бохуш, хьо Деле кхойкхуш,
Орцаха вала бохуш, Элчане кхойкхуш,
Махкана Маршалла, со сагIа бохуш,
Махкаха велира хьо, ва Хьаьжи-ГIеза.

Подстрочный перевод автора

Стих о Гази-Хаджи

Не было тебе пятнадцати лет,
Был юным, шел только двенадцатый.
Сердцу твоему был близок Аллах,
На пути ислама ты опоясался,
о Хаджи-Гази.

Не было тебе пятнадцати лет,
Был юным, шел только двенадцатый.
С родным отцом ты ходил в Яраг,
Божьи знания там ты постиг,
о Хаджи-Гази.

Не было тебе пятнадцати лет,
Познания веры Аллаха ты постигал,
Перед собой светлый Коран ты держал,
К чистой религии людей ты призвал,

При

о Хаджи-Гази.

С шейхом Ярагским о вере размышлял,
Хаджи Саясанского на трон ты возвышал,
Хаджи Киши зикру ты внимал,
К чистой религии людей ты призвал,

о Хаджи-Гази.

В Ишкартойский хребет на газават ты ходил,
В Эндерейских засадах ты братьев терял,
В казачьи сотни в одиночку врывался,
За светлую веру ты смело сражался,

о Хаджи-Гази.

Кто от боев отвернулся, ты с наказанием шел,
На труса знак позора ты прикреплял,
Мать-Отчизна, которую в ислам ты обратил,
От религии свой взор отвернула,

о Хаджи-Гази.

На Самашкинских высотах расставив палатки
Генералы на тайный совет заседали
Обман и уловки против Безы сплели,
О сколько раз, они на тебя покушались

о Хаджи-Гази

Энгеноевские молодцы тебе на помощь спешили
Беноевские муриды от врагов тебя скрывали
За тебя они свои жизни предлагали
О как сильно тебя любили,

о Хаджи-Гази

Родному Зандаку ультиматумами грозили

«Если Безу не выдадите, то аул будет сожжен»

Родовое гнездо будет разорено

О сколько раз ты от неверных претерпевал,

о Хаджи-Гази

Сборы в Хасав-Юрте объявлялись,

Для твоей поимки по Ярык-Су войска надвигались,

Солдатские песни в Зандакских хребтах

За тобой погоня в горах,

о Хаджи-Гази.

По склонам Дюйра Донгуз¹¹⁹ напал,

С востока Файзулла¹²⁰ наступал,

Огромные силы возглавляли они

Ты выстоял, выдержал,

о Хаджи-Гази.

На Зандакские вершины пушки поднимали,

На Симсарское плато прицельно стреляли.

Если Гази не сдастся, то аул будет сожжен,

Сколько раз он был врагом разорен,

о Хаджи-Гази.

В горных чащобах ты в халвате сидел,

В горных ущельях ты к Богу взывал

За будущее ислама ты переживал

Ради него ты Аллаха просил,

о Хаджи-Гази.

Зандакских пленников освободить ты желал

¹¹⁹ Донгуз – в перев. с кумыкского означает «свинья», так горцы называли царского генерала М.З. Аргутинского-Долгорукого (1797-1855), нач. Самурского отряда (1842-1853).

От Родины отвернуться тягостным ты считал

Расчет у Аллаха ты ожидал

Страну ты покинул,

о Хаджи-Гази.

«О Аллах, – ты взывал, – спаси и сохрани.

О, посланник Аллаха, ты нам помоги,

Свободу Отчизне! Пусть я стану жертвой».

Родину покинул дальней дорогой,

о Хаджи-Гази.

Беза – Делан Вели

Делан Вели Беза вара,

Элчан варис Беза вара,

Эвлаяийн коьрта вара,

Иеламнеха тхамда вара.

Дала Вели вина вара,

Дуьне кара делла вара,

Орцах чехка кхьочуш вара,

Бези аьлча кхьочуш вара.

Дела везар делла вара,

Элчани ирс эцна вара,

Дала дукха везаш вара,

Дала сийлахь кхоьल्लीна вара.

¹²⁰ Файзулла Дациев из Чиркея, царский наиб в чине майора в Гумбете (Дагестан), участвовал в подавлении восстаний в

Эрна махкахь лелаш вара,
Воьрзу меттиг холват йара,
Кхача боцуш мегаш вара,
Малайки ша декъехь вара.

Сирчу динахь лелаш вара,
МостагIаштIе хохкуш вара,
Царех тур ша детташ вара,
Шена кхетча реза вара.

ШариIата и тIай дара,
ТIарикъата лами бара,
Исламан и кема дара,
Безачеран гIовс и вара.

Лавхьул-Махьфуз и гуш вара,
Те йаздинарг доьшуш вара,
Те хиндериг хууш вара,
Хьулам боцуш кхайкхош вара.

Далла тасбихь и деш вара,
ГIаш, бецаш лееш вара,
Олхузараш йиш еш дара,
Акхарой ла доьгIуш дара.

ЯрагIи-шайх устаз вара,

Хъаъжи-Ташов тхъамда вара,
Хъаъжи-Кунту уллохъ вара,
ДегIастана гIовс и вара.

Стигланашна везаш вара,
Латтанаша къуьйсуш вара,
Хъекъал доцуш адам хилла
И махкаха ваьккхина вара.

И махкаха ваьккхина вара,
МаккинатIе кхайкхина вара,
ТIаккха ара ваьлла вара,
Вай ДегIаста йилхина йара.

Мединате вагIна вара,
Элчанца са къоьруш вара,
Юха Макка веъна вара,
Делан кхиеле вирзина вара.

Подстрочный перевод автора

Беза – угодник Аллаха

Валием¹²¹ Аллаха был он,

Варисом пророка был он,

Авлияов он возглавлял,

Алимами он руководил.

Аллах тебя сделал валием
И земную мощь тебе вручил.
Кто нуждался, ты на помощь спешил,
О Беза, твой клич разносился.

Любовью к Аллаху ты был наделен,
Счастье близости к Пророку было тебе знакомо,
За это Аллах тебя возлюбил
И к славным деяниям тебя посвятил.

По чужбине ты не раз ходил,
Убежищем твоим было уединение.
Ты без пищи голод сносил,
Близость к ангелам – твое спасение.

На гнедом скакуне
Ты бился с врагом,
И не раз твой меч его разил.
Свои же раны ты стойко переносил.

Ты был мостом Шариата
И лестницей, ведущей к Тарикату,
Служение Исламу – твой светлый путь,
Возлюбившие тебя находили жизни суть.

¹²¹ Валий (мн.ч. авлия) – богоугодник, приближенный к Аллаху; варис – наследующий, наследник, «ученые – наследники Пророка» (Хадис пророка Мухаммада); алим – мусульманский ученый, знаток исламских наук.

Лавхул-Махфуз¹²² ты лицезрел,
И надписи на нем ты ясно читал,
И Будущее тебе открывалось
И в сердце твоём оно не скрывалось.

Хвалу Аллаху ты возносил,
Травы, листья тебе внимали,
Птицы песнями с тобой делились
Дикие звери этому чуду дивились.

Ярагский шейх был твоим устазом,
Ташев-Хаджи был у тебя тамадой,
Кунта-Хаджи был рядом с тобой,
Вместе вы Отчизны изголовье.

Небеса тебя возлюбили,
Земли, страны за тебя спорили,
Безумные глупцы наветы сплели,
С Отчизной тебя разлучили.

Он изгнанником ушел,
В Мекку судьба его звала,
Родину покинул только тогда,
С плачем осталась наша страна.

В Медине он побывал,

¹²² Лавхул-Махфуз – Хранимая скрижаль, книга книг, которая хранится у Аллаха.

У пророка в обители стоял,
В Мекке его последний приют,
К Аллаху отправился на суд.

Иманан нур

Иманан нур хилла, халкъатГе вирзина.
Халкъана беркате, ниІмате хилла.
Везачу вайн Дала дарж делла хилла.
Беркате веара хьо, ва Гези-Хъаьжи.

Лебечу маттаца дин хьобхуж Хилла,
Имане ца воГург хъайха дІа къастош.
Элчана некъаца дин хъеха лиьна,
Ма везаш веара хьо, ва Гези-Хъаьжи.

Хъан хилла муридаш хьо везаш хилла,
Ахь шайна хъехна дин уьш даржош лелла,
Иманехъ ца хилларг имане веъна.
Дин хаздеш веара хьо, ва Гези-Хъаьжи.

ДегІастахъ долу халкъ хьо везаш хилла,
Ахь шайга делла дин уьш лелош хилла,
Махкаха хьо валар цара ца лайна.
Ма везаш вахара хьо, ва Гези-Хъаьжи.

Муридийн синош ахь хъайца дІа даьхьи,
Хьо шайха дІа къастар цара ца лайна.

Мусашайх ва волчу хъан воссар хилла,
Хьо Макка дІакхачар царна кхаъ хилла.

Маккарчу шайхашца цхъанакхетар хилла,
Ахь шайлах дийцинарг дІадаржош хилла,
Вайн Дала бохучух хьо тешаш хилла.
Элчанан хъадисаш ахь кхочуш дина.

Хьо везар, хьо вовзар дуьненчохь хиъна,
Хъан кхалхар езачу вайн Маккахь хилла,
Хъан хилла муридаш шаьш цхъалхъа бисна.
Тхо цхъана гулделахь, йа-АллахІ-Дела.

Подстрочный перевод автора

Свет веры

Светом веры для народа воссиял,
Благим даром для людей ты стал,
Всевышним Аллахом духовным саном наречен.

Благословенным было твое явление,

о Гази-Хаджи!

Речь твоя религии учила,
Кто к вере не шел, ты от себя отрекал,
На путь Пророка всех ты позвал.

С какой любовью ты явился,

о Гази-Хаджи!

Твои муриды тебя полюбили,
Твои поучения они разносили,
Кто в имане не был, в веру обратился.

Украшением религии ты явился,

о Гази-Хаджи!

Наш народ тебя полюбил,

Твои заветы он свято хранил,

Твое изгнание тяжело перенести.

Чувства наши унес ты,

о Гази-Хаджи!

Сердца муридов с собой ты унес,

Разлуку с тобой никто не перенес,

У Мус-шейха ты остановился.

Твой приезд в Мекку радостью разносился.

Мекканские шейхи с тобою встречались,

Твои призывы они меж собой распространяли,

Словам Аллаха ты твердо верил,

Хадисы Пророка ты в жизнь претворял.

Любовь и слава твои по миру разошлись,

Твой уход из жизни в святой Мекке произошел,

Твои муриды одинокими остались,

О, Всевышний Аллах, вместе нас собери!

Геза-Хьяьжа

Ламанан исбаьхьчу Зандакьахь,

Обздачу Аьрзум доьзалехь,

Дала шена цѣтоьхначохь

Дуьнентѣ ваьлла,

Далла дукхавезна и Геза-Хъаьжа.

Лаьзгийн Ярагехь Илма Иамийна

Мухьаммад шайхаца марзо эцна

Ташу-Хъаьжин салам куьг лаьцна

Цуьнца цхьана Нохчийчу вирзира

Далла дукхавезна и Геза-Хъаьжа.

Сийдолчу Симсара кортошкахь

Хийла холбата хуьйжуш

Даиман дуьсур долчу эхарта

Гийла мотт гIуьттуш

Далла дукхавезаш вара и Геза-Хъаьжа.

Исламан Илма шен коьртехь гулдина

Иманан хазна шен Иамалшца гайтина

Элчана суннаташ адамашна Иамийна

Далла дукхавезаш вара и Геза-Хъаьжа.

Газотехь керстанна майралла гайтина

Теман кIурлахь, вежари декъал хилла

Имам Шемал сий-лерам бина

Далла дукхавезаш вара и Геза-Хъаьжа.

Шариатан низам ДегIастанчохь хIоттина

Бусалба олалла махкахь даржийна

Иеламдайша Шемалан имамалла къобалдина

Цунна улле хоьттира и Геза-Хъаьжа.

Имама векал вина, дин даржо аренга хъажийна

Гихийстера Чергазийн махка кхаччалц

Дин хаздеш веара кхайкхамца

Далла дукхавезна и Геза-Хъаьжа.

Шен хьомсара кІант вийна

Дакъаза ваьллачу жимхина гечдина

Чир ца лобхуш, Делера собар доьхуш

Далла дукхавезаш вара и Геза-Хъаьжа.

Адамийн дагчоь висина

Иблисан букь каггийна

АллахІан кьинхетаме сатесна

Далла дукхавезаш вара и Геза-Хъаьжа.

Киши-Хъаьжица вайн ДегІастана доладеш

Ша кьобал вечу дегнашчоь иман-ислам чІагІдеш

Ламанца, аренца дин цІена кхайкхадеш

Далла дукхавезаш вара и Геза-Хъаьжа.

Бода беъна шариІат доьжча

Керстана Іедал вайн махкахь даьржича

АллахІаца чІагІоеш дихкина гІазот ца даста

Дийзира цуна махкаха къаста

Далла дукхавезаш вара и Геза-Хъаьжа.

Ассаламу-Иалайкум, бусалба вежарий
Махкана маршалла со сагIа хуьлда
Шай дегнаш ларделаш куфраллех бохуш
Макка боьдучу новкIа велира
Далла дукхавезаш волу и Геза-Хьаьжа.

Делан хьаьжа-фарз кхочушдина
Мадинатехь элчанан хIусамехь
Ийна Везачу вай Далла воккха хьаша хилла
Далла дукхавезаш волу и Геза-Хьаьжа.

Маккийн шайхаш лерам бина
МухIажарийн баьчча хилла
Массо а фарзаш кхочуш дина
Цу езачу Хьарамехь эхарте вирзира
Далла дукхавезаш волу и Геза-Хьаьжа.

АллахI реза хуьлда хьуна
Элчи реза хуьлда хьуна
Тхома реза хили хьуна
Далла дукхавезаш волу и Геза-Хьаьжа.

Сочинение автора

Любимец Аллаха – Гази-Хаджи

В величественном горном Зандаке,
В семье благородного Арзу
По воле Всевышнего Аллаха

Ему родиться было суждено,
Любимцу Аллаха – Гази-Хаджи

В лезгинском Яраге обучившись исламу,
С Курали-Магомой сладость веры познав,
С Ташу-Хаджи за руку взявшись
Вы вместе вступили на землю Чечни
Любимец Аллаха – Гази-Хаджи

На славных хребтах Симсара,
Ты держал обед уединения
Твои мысли о вечном мире,
Чувствами его осязая ты пребывал
Любимец Аллаха – Гази-Хаджи

Исламские науки ты познал глубоко
Красотою имана ты жизнь освятил
Сунне Пророка ты многих обучил
Любимец Аллаха – Гази-Хаджи

В священной борьбе против неверных
В горниле сражений родных братьев терял
Имам Шамиль тобой восхищался
Любимец Аллаха – Гази-Хаджи

Закон шариата, установив на земле Дагестана,
Правление ислама в горах утвердилось

Имамство Шамиля признали алимы

Ты рядом с ним встал

Любимец Аллаха – Гази-Хаджи

По поручению имама ты

С духовною миссией вступил на равнину

От Гехи до Черкесии

Своим призывом ты украсил веру

Любимец Аллаха – Гази-Хаджи

Убийцу родного сына

Несчастливого юношу ты простил

Искал ты не месть, а стойкость в терпении

Любимец Аллаха – Гази-Хаджи

В людских сердцах ты остался

Иблису спину сломав,

Ты к милости Божьей устремился

Любимец Аллаха – Гази-Хаджи

Вместе с Кунта-Хаджи, заботясь об Отчизне

В сердца своих муридов, посеяв семена ислама

В горах, на равнине к чистой вере призвал

Любимец Аллаха – Гази-Хаджи

Тьма наступила и пал шариат

Властью гяуров все вокруге объят

Обет газавата, что с Аллахом скрепил

Он не нарушил, Родину покинул,

Любимец Аллаха – Гази-Хаджи

Мир и благословение братьям!

Пусть свободно будешь, страна

Я милостыня за тебя

Свои сердца от неверия берегите

С этими словами он в Мекку ушел

Любимец Аллаха – Гази-Хаджи

На божьем пути, выполнив хадж

В лучезарной Медине он в жилище Пророка

На святой земле – он Аллаха гость

Любимец Аллаха – Гази-Хаджи

Мекканские шейхи принимали с почетом

Ты возглавил собою волну мухаджиров

Все фарзы Аллаха, выполнив с усердием

Твоя жизнь завершилась на священной земле

Любимец Аллаха – Гази-Хаджи

Будь тобою доволен Всевышний Аллах

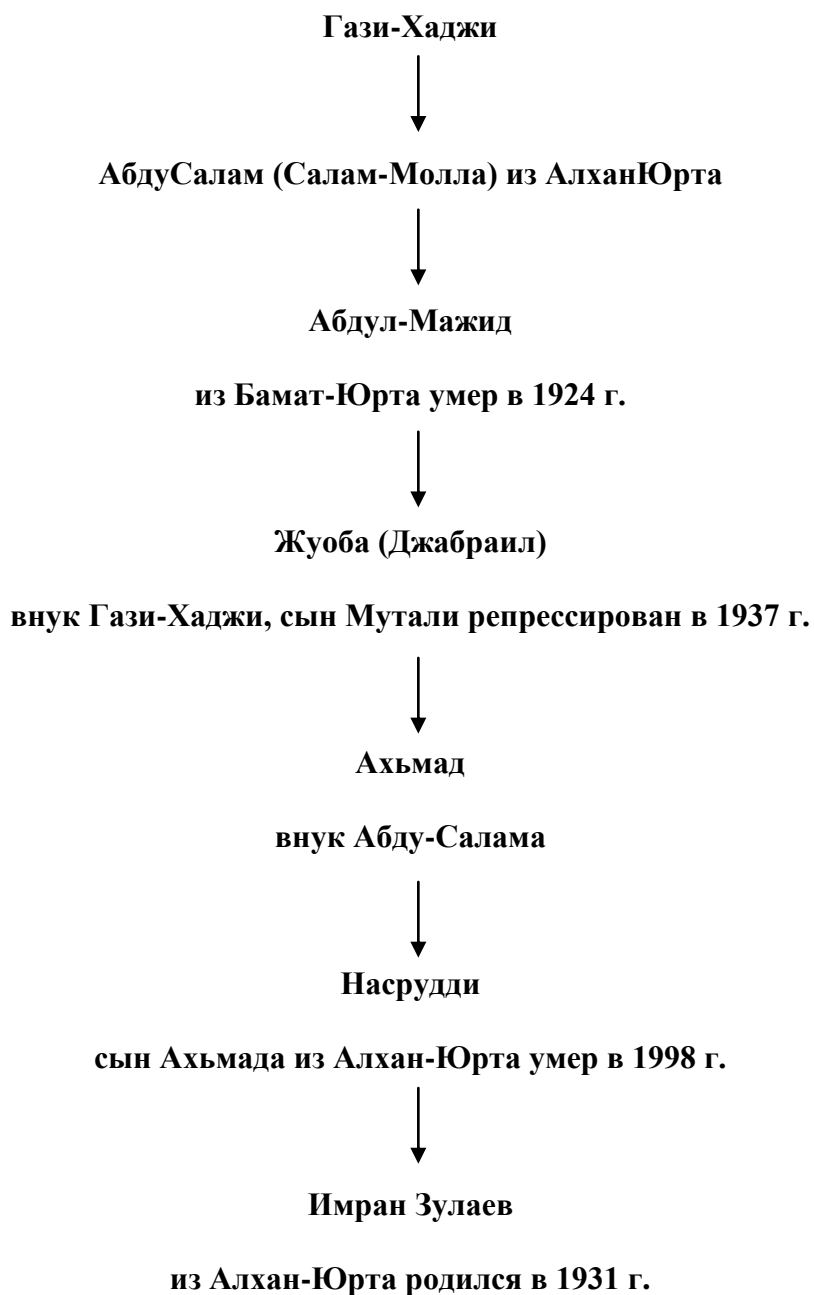
Будь тобою доволен Расул-ул-лах

Мы тобою остались довольны

Любимец Аллаха – Гази-Хаджи

ТАРИКАТА БРАТСТВА ВИРДА ГАЗИ ХАДЖИ

РАВНИННАЯ ВЕТВЬ

ДРЕВО ДУХОВНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СИЛСИЛА НАСТАВНИКОВ НАКШБАНДИЙСКОГО

ТАРИКАТА БРАТСТВА ВИРДА ГАЗИ-ХАДЖИ

ГОРНАЯ ВЕТВЬ

Гази-Хаджи

Умалат-Хаджи

из Аллероя (ныне Ножай-Юртовский район)

Мада

из Энгеноя (Ножай-Юртовский район)

Абазат-Хаджи

из Аллероя

Аьрзу

внук Орзы, старшего брата Гази-Хаджи

Аслан-Гери

внук Алдама, младшего брата Гази-Хаджи имам с. Мескеты репрессирован в 1942 г.

Ахьмат-Гери

(1887-1991)
внук Алдама, младшего брата Гази-Хаджи

Заурби Эрсанбиев

имам с. Симсар в 30-40-е гг. XX в.

Абу-Хьасан Эрсанбиев

имам с. Симсар